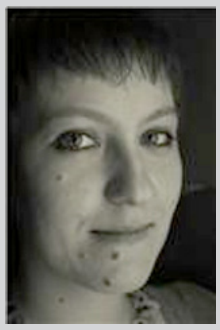
МОСКВА

ИнтеллигенТ

Международная литературно-публицистическая газета. №3 (3), август 2011 г. http://provintelligent.ru

Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Новые авторы. Начало.



Татьяна Злыгостева

Родилась 16 мая 1983 года в г. Новосибирске, закончила факультет журналистики НГУ. Работаю журналистом, редактором, фотокорреспондентом. Печаталась в Новосибирских, центральных и зарубежных литературных журналах.

В 2009 году вышел сборник стихотворений.

* * *

Цветочным снегом
асфальт задышал неровно -
С деревьев падает маленькое и белое.

Что я такого плохого сделала?
Что я такого плохого сделала?

Матушка-яблонька,
помоги мне,
Не дай пропасть мне,
не дай погибнуть.

Невозможный мой, мой хороший -
Помоги мне, всесильный Боже.

Дайте сил мне, корица, имбирь и медь.
Помоги мне, черника. Физалис, оникс -
Помогите мне. Солнечный мегаполис -
Научи меня лишнего не иметь.
Укрепи мою душу, фасадный камень,
Укрепи мое сердце, цветной пустырь,
Смех и окрик, огонь и пыль,
И трамваи с нежными голосами -
Помогите - меня любите.
Помогите - меня любите.

Невозможный мой, мой хороший -
Полюби меня тоже, Боже.

* * *

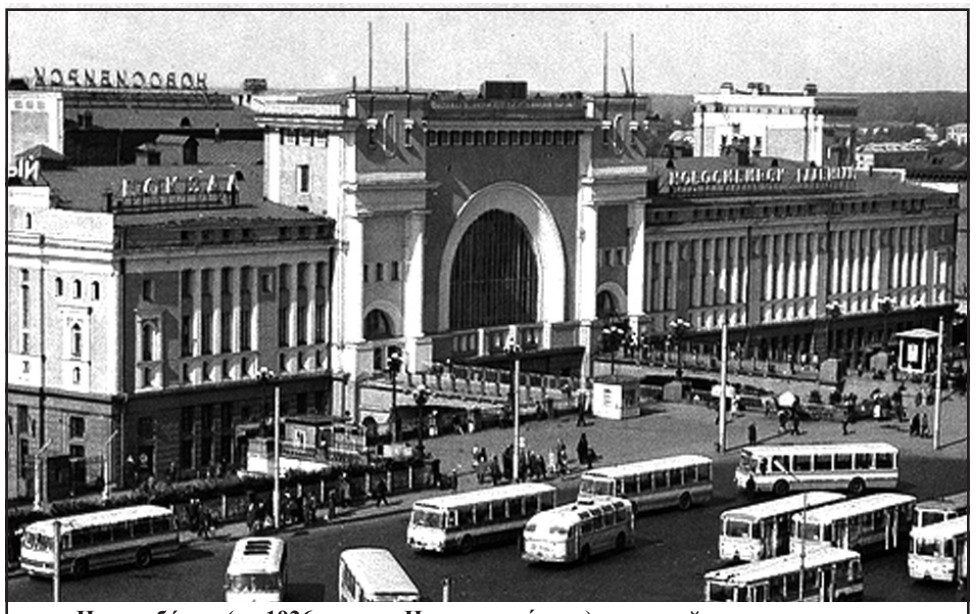
Как в новогоднем, елочном бреду,
В температуре включенной гирлянды -
Огонь, ангина, полыхают гланды,
И конфетти разбросано на льду.
А в хвойный рай мой,
в тайный теплый дом,
Вглубь веток,
где приют надежный скрыт,
Где шар стеклянный спит,
а сам блестит,
Пойдем со мною? А? Пойдем со мной.

Я так в тебе сегодня, так в тебе,
Что хочется еще теплее чтобы -
В зеленый мрак игрушечной чащобы
По узенькой петляющей тропе.

От корки мандариновой и до
Вчерашнего шампанского остатков -
Нам будет хоть и приторно, но сладко,
Хоть муторно, но празднично зато.

Мне холодно, подай мое пальто,
Скажи мне слово доброе хотя бы.
Ты видишь - поднимается по трапу
Уставший день. И елочный, густой
Плывет туман по комнате закатной.
Побудь со мной, побудь еще со мной.

В температуре включенной гирлянды
Белеет шар, свеченьем налитой.



Новосиби́рск (до 1926 года — Новоникола́евск) — третий по численности населения и одиннадцатый по площади город в России, имеет статус городского округа, административный центр Новосибирской области и Сибирского федерального округа, научный, культурный, промышленный, транспортный, торговый и деловой центр Сибири. Город расположен на Приобском плато, примыкающем к долине реки Обь, рядом с водохранилищем, образованным плотиной Новосибирской ГЭС.

wikipedia.org

ОДНАЖДЫ УТРОМ

Однажды утром Катя проснулась от жгучего холода. Володи не было. «Блин, у него же бюджетный сегодня, как же я проспала, даже кофе ему не сварила…» Затекшее тело болело, голову беспощадно сдавливала какая-то металлическая фигня. Пытаясь согреться, она куталась в странную колючую тряпку. «Что за черт?» Катя, постепенно осознавая реальность, растерянно ощупывала руками голову и тупо пялилась на кусок материи, который пыталась использовать вместо одеяла… Это что, корона что ли? И мантия… Сюр какой-то! Катя попыталась расправить ноющие конечности и… «АААААААА!!!! Мать твою, где я????» Девушка скорчившись разместилась на узкой площадке метрах этак в… хрен знает, скольки от земли. Мда, высоковато. Не мудрено, что такая холодина. «Воооовчиииииик!!!! Сними меня отсюдаааааа!!!» Ясное дело, никто не откликнулся. Под высоченным столбом, который венчала площадка, простирался миленький пейзаж: готические замки, девственные леса и кучки рыцарей, гарцующих по пересеченной местности. В одном из них Катя, обострившимся со страху зрением, разглядела своего любимого. «Вовчик, миленький, что же это, а?» Мимо, величественно шелестя крыльями, пролетел дракон. Увидев девушку, чудище сдало назад, рыгнуло огнем и мерзко ухмыльнулось:

- Ха! Попалась, деточка!

- В смысле? – неуверенно пролепетала Катя.

- Зуб даю, ты своим примитивным бабским сознанием думала, что он тебе мамонтов в дом таскать будет, а ты - очаг беречь и шкуры в химчистку носить, - дракон отвратительно хохотнул.

- Каких мамонтов??? В какую химчистку??

- А он в своем психическом развитии шагнул далеко вперед. Вон смотри, что у него на знамени.

Катя пригляделась и ахнула: она, Катя. В короне и мантии. Точь-в-точь, как те, от которых у нее вся физическая оболочка чешется.

- Вот так-то, бэби. Он с нашим братом сражается не за просто так, а во имя.

- Во имя чего?

- Во имя тебя, глупая. Гордись.

- А это… стесняюсь спросить, много вас там?

- Много. Нас же чем больше убиваешь, тем мы сильнее. И злее. Парадокс войны с бессознательным.

«Грамотный, сука», - подумала Катя. Запищал мобильник – смс-ка. «Катя, я люблю тебя. Ты даже не представляешь, как ты мне нужна! Я живу ради тебя!» Катя облегченно вздохнула - любит, значит, все в порядке.

- Блин, когда он там в пылу битв еще смс-ки строчить успевает…

- Не переживай, скоро и смс-ки закончатся. Ему твоего светлого образа на знамени хватит, чтобы вдохновиться.

- Ну что ты несешь, урод чешуйчатый! Конечно, ему нужны битвы, но возвращаться-то тоже куда-то надо!

- Да брось! Ты же в курсе его семейного положения. У него уже есть созидательница домашних борщей и устроительница ежевечерних разборок.

- Да что ты понимаешь! Между ними уже давно формальные отношения, а у нас любовь! И вообще, она стерва.

- Вот наивняк. Ты искренне веришь, что твой возлюбленный женат на ведьме и мечтает от нее избавиться? Как бы не так! У него там, может, все и плохо, зато стабильно, привычно и понятно. А ты - это Великая Неизвестность. К тому же, если он по дури решится что-то изменить, весь ведьмин функционал к тебе перейдет, и прощай, Прекрасная Мечта! Что он дурак что ли - от Мечты отказываться?

- А как же я?

- Ну, это уж ты сама думай, а мне пора. Полечу, твоему красавчику кровь попорчу.

И Катя стала думать. Было до слез жалко любимого, сражающегося с драконами и периодически поедающего ведьмины борщи. Себя тоже было жалко. На пьедестале было страшно неуютно. Хотелось есть. С сексом, стало быть, тоже облом – у рыцарей с прекрасной дамой отношения чисто платонические. Сознание собственной исключительности в глазах ее доблестного героя почему-то не грело. Да и потом зима на носу, надо домой, резину менять (видимо, опять самой). Аккуратно слезть с этого чертового столба не представлялось возможным – скользкий, гад. Хочешь - не хочешь, расшибешься в хлам. А куда деваться? Не век же здесь куковать. Надо соскакивать с этой иглы-переростка. И Катя прыгнула.

Глаза открыла в собственной постели. Одна. Было больно до умопомрачения. Но ныло уже не тело…

Анна ГРЕЧКО

Оксана Васякина

Родилась в 1989 году в маленьком городке Иркутской Области, долгое время жила и работала в Новосибирске, теперь путешествую по стране и ближнему зарубежью,

наблюдаю за людьми, принимаю участие в разношерстных авантюрах и ни о чем не жалею. Победительница Новосибирского поэтического слэма, участница слэма в Перми.

Гусь

И тогда я хотел нарисовать лебедя.
Такого изящного…
Прорисовать каждое перышко,
И чтоб блестели кристаллы
Воды на каждой прожилке
Пера белоснежного.
И чтоб хотелось гладить его
с картинки,
Но замиралось в секунде
от сближенья
В недостоиности прикасаться
К божественной красоте…

А за стеной снова запел
пьяный родственник.
И жирными сизыми
Похожими на растоптанные
шлепки губами
Потянулся к хрустящему
В дребезгах хрусталю рюмки.

Дрогнула рука.
И со всей злостью на родственников
В бессилии от ненависти к ним, я
Намалевал безобразного гуся.

И совсем не хотелось оскорбить
дворовую птицу.
Но так вышло, что гусь
Похромей
И задиристей лебедя.
К тому же я уже начал рисовать,
Лист бумаги оставался последний.
На обратной стороне
его красовались
Золотые облака над сизой
поверхностью гор.

Намного проще
Из наброска изображения лебедя
вылепить гуся.
Свинья не вышла бы вовсе.

Каждому - маму

Каждому скрутиться
в положении зародыша-
защити, чрево.
Большие пальцы в кулаки и ладоши-
сохранять температуру как дерево.
Каждому по теплому верблюжьему
одеялу,
и сопливчик, и кормите с ложечки.
Каждому!
Каждому!
Каждому!-
Маму,
А не теток с глянцевых обложек.

Геннадий Генцлер

Россия, Новосибирск

Родился 9 апреля 1955 года в Тулинском Учхозе Новосибирского района Новосибирской области. В 1977 году окончил Новосибирский инженерно-строительный институт. С 1980 года регулярно печатается в различных газетах и журналах. Член Союзов писателей и журналистов. Автор четырёх поэтических книг. Заслуженный изобретатель РФ.

НЕВЕДОМЫЙ СТРАННИК

Как неведомый странник,
пришёл в этот мир,
Как ведомый путник, покину его...
Я слышал стозвучье божественных лир.
И что я узнал? Да совсем ничего.

Как неведомый странник,
я шёл день за днём,
Как ведомый путник, я сел отдохнуть...
Я душу настроил свою на приём.
И что же я понял? Что ошибочен путь.

Как неведомый странник, иду и иду,
Как ведомый путник, на месте стою...
Вся жизнь, как в тумане.
В кромешном бреду.
И что я увидел? Что гибну в раю.

Как неведомый странник,
я взял и прозрел,
Как ведомый путник,
поднялся с колен...
Я в правде тонул и в чувстве горел.
И что мне осталось? Сомненья и тлен.

Как неведомый странник,
я ушёл навсегда,
Как ведомый путник, я буду здесь жить...
На тысячи «нет» я нашёл своё «да».
И что же мне делать?
Любить и творить.

НОВЫЕ СНЫ

Я снова начал видеть сны,
Пройдя сквозь черноту забвенья,
Сквозь тени сумрачной весны,
Как влага, обходя коренья...

И в этих снах не ты, не тень...
Цветные пятна расставанья.
И я в фуражке набекрень
Сквозь терпкий гомон обожанья.

Как чуден сон из буйных красок,
Где небо с крышами сплелось,
Где хороводом ярких масок
Всё в сердце вдруг отозвалось!

Как ты прекрасна в снах моих!
Как бережно ласкаешь душу!
Во всей Вселенной нас одних
Любовью вынесло на сушу.

Живу любовию одною.
Закаты ею так красны...
Про то, как ты... И я с тобою...
Я снова начал видеть сны!

ВИНОВАТОЕ ВИНО

В бокале слабое винишко,
Дрянное, в общем-то, вино.
И пропотевшая манишка,
И в мир открытое окно.

На подоконнике герани,
И лист газеты на полу,
В стекле лучей закатных грани,
И музыка, как на балу...

В такт вальсу тихо пыль кружит,
Закат тихонько угасает...
Что дрянь вино – чего тужить?
В нём грусть моя, поди, растает?

А не растает. Да и пусть.
В вечернем сумраке заката,
Что в тихий дом проникла грусть,
Одна бутылка виновата...

www.maginet2006.narod.ru
М.А.Г.И.
Наше отечество - искусство
MAGI
Международная Ассоциация Граждан Искусства

Всемирный клуб петербуржцев
Михаил Пиотровский,
Президент Всемирного клуба петербуржцев.
Валентина Орлова
Председателя правления клуба.
www.wwclub.spb.ru

ЗЕРНОМ СВОЮ ДУШУ...

Я собрался в дорогу с духом,
По земле в последний свой путь.
И шепнула Земля мне в ухо:
«Про меня, уходя, не забудь».

Разве можно тебя забыть?
Твои глины и чернозём...
Довелось и пахать, и рыть,
И в степи ночевать вдвоём...

Любил разнотравье твоё,
Пашня чёрная снилась мне.
И ласкал губами жнивьё,
И любовь бросал по стерне.

Мне милы и посев, и страда –
Их немало было в судьбе.
Зерном свою душу отдам
За право лежать в тебе.

ГИМН СОЗИДАНИЯ

а самое страшное
видели –
лицо моё,
когда
я
абсолютно спокоен?

В. Маяковский

Лицо моё страшнее лица Маяковского,
Хоть он спокоен. И я не менее.
Но он не удержался от камня броского,
А я без камня напугаю вернее.

Пусть лязгают зубы от страха и ужаса –
Вам полезно пугаться тех, кто спокоен.
Но наберитесь искусственного
мужества –
Карфаген будет разрушен!
И вновь построен.

Когда ломают, не считают глыб,
Когда ломают, стены падают целиком!
Кто не уберёгся, непременно погиб –
А не тащили вас в бучу силком!

Падают крыши, трещат стропила,
Окна со звоном осколками вниз.
Смотрите все, какая не человечья сила
На части развалила лепной карниз!

Ломаем, рушим, пыль столбом –
Столпотворенье колонн и башен.
Бушевал, когда был рабом!
Теперь спокоен. И потому
особенно страшен!

Моё спокойствие – ваша смерть! –
Не пугайтесь заранее, впрок!
Я слова, обезличив, превратил в твердь.
Хотел – и сделал! Захотел – и смог!

Груды камня, пыль, копоть и вонь –
А что вы хотели в громадной ломке?!
Грохот разрушения заглушил гармонь.
Новое не поместится в старой котомке!

Ломаем, ломаем, ломаем всё –
От верхушки до пошлого основанья.
Перемены грядут везде и во всём.
Слышите ровный гул созиданья?!

Кто там с гитарой щиплет струны?
Пальцы для дела,
а не для пошлых аккордов.
Попрятались старых романтиков луны.
Настало время дел и рекордов!

ЗВУКОРЯД

Непрочен прощальный вечер,
Но прочен прощальный взгляд.
Мягко ложится на плечи
Уходящих лет звукоряд.

Он ложится на ветки снегом,
Заметает пройденный путь.
Но душу нам греет нега,
Касаясь шёпотом: «Не забудь».

Затихают гаммы прошедших лет,
Желтеют ноты в пюпитрах странствий...
На память Осень бросает плед,
Оставляя ожоги страсти.

Иннокентий Медведев

Россия, Братск, Иркутская обл.

Родился 20 марта 1963 г. в деревне Банщиково Нижне-Илимского р-на.

Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей 2010» имени русского национального поэта Николая Рубцова (Москва). Лауреат международного литературного конкурса «Прекрасные порывы» 2010 в номинации «А.С.Пушкину» (Симферополь). Автор шести поэтических сборников: «Запах Жизни», «Звезда Удачи», «Любовь, Рождения и Смерть», «Проказы Венеры», «Грешный Рай», «Тревожные струны Души». В настоящее время опубликованы подборки стихотворений в таких известных сибирских изданиях, как журналы «Сибирь» (Иркутск), «Истоки» (Красноярск), «Северо-Муйские огни»(Северомуйск), «Антология сибирской поэзии», «Поэзия на Енисее» (Красноярск), «Литература Сибири» (Красноярск), литературный журнал «Спутник» (Москва), альманах «Звезда полей» (Москва), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), четвертый, пятый и шестой выпуск альманаха «Золотая строфа 2010» (Москва), альманахи «Стихи для детей», «Философская лирика», «Стихи о любви»(Москва), альманах «Рукопись» (Ростов-на-Дону), международный литературный альманах «Чувства без границ» (Москва – Нью-Йорк – Торонто), МСПУ международный литературный журнал «Свой вариант» (Украина), международный альманах «Литературная губерния» (Самара), литературно-исторический журнал «Великороссъ» (Москва).

Тревожные струны Души

МОЙ РАЙ

Вот он, Рай на земле! Вот мой Рай!
И другого мне Рая не надо.
Этот дивный берёзовый край,
И душа моя этому рада.

Я не видел такой красоты,
Я не видел берёз в два обхвата.
На поляне ручей и цветы –
Здесь земля красотою богата.

Игры бабочек, лепет стрекоз,
Пенье птиц, радость этого лета,
Завитки у красавиц берёз –
Всё для жизни и сердца поэта.

Ты молчи, нам слова не нужны,
Лишь с природою в целое слейся!
В свою душу скорей загляни.
Пей вино, дорогая, и смейся!

Ты любовь мне свою подари–
Для влюблённого сердца отрада.
Буду рядом с тобой до зари
И другого мне Рая не надо!

ВСЕ МЫ ГОСТИ ЗЕМЛИ

Говорят, что душа покидает
Наше тело, когда мы умрём.
И на суд её Бог призывает –
Этот миг перед смертью мы ждём.

И когда-нибудь снова на землю
Бог отпустит её погостить.
Эту радость я тоже приемлю,
Чтобы вновь по Земле походить.

Вновь младенцем меня примет мама
И напоит парным молоком.
Вновь идти по Земле буду прямо
И гулять по росе босиком.

Неизвестно ещё, кем я стану...
Как придётся с удачей дружить...
Но когда-нибудь утречком ранним
На могилку решу я сходить.

На свою, где мой прах похоронен.
Где мой камень надгробный стоит.
...Как всегда, пьяный сторож
там бродит,
Мутным взглядом на рюмки глядит.

Постою возле праха поэта,
Вспомню прошлую жизнь и судьбу.
Может быть, и не сбудется это,
Но по кладбищу с грустью пройду.

Посмотрю на знакомые лица,
Помяну всех церковным вином.
Не забуду я им поклониться.
И покажется прошлое сном.

КАЮСЬ

Ты прости за слова, что тебе говорил!
Был с тобою я груб, понимаю.
Но твой ласковый взгляд
сердце мне озарил
И расцвёл в нём, как ландыши в мае.

Впредь не буду тебя никогда обижать,
Не прощаю я только измены.
И тебя я готов на пороге встречать,
Дожидаясь в судьбе перемены.

Быть с тобою хочу. Разве это не так?
За поступки свои уже каюсь.
Без тебя и с тобой на душе кавардак.
Может быть, и от этого маюсь.

Ты такая, как есть. Видеть я тебя рад,
И тебя больше я не обижу.
Подносила судьба мне немало преград,
Но с тобой своё счастье лишь вижу!

Я, конечно же, эти преграды ломал,
Ради высшей, намеченной цели.
До тебя, ты поверь,
этих чувств я не знал,
И в разлуке они уцелели.

И теперь, когда наши дороги сошлись,
От судьбы убежать не стараюсь.
Быть с тобою хочу, оттого лечу ввысь,
Но, по жизни, как все – спотыкаюсь.

Почему – не пойму, когда всё хорошо –
Сам всё рушу, всё порчу, ломаю.
И тебе, и себе этим боль приношу,
Для чего и зачем – я не знаю.

Слышит Бог, что сейчас я тебе говорю.
Что себе доказать я пытаюсь?..
Без тебя – о тебе эти строки творю,
А с тобой – от себя отрекаюсь.

* * *

Пускай потешат языки
Вокруг нас злые люди.
Они умом недалеки,
И нам они не судьи...
Пусть говорят: «Ты ей не верь,
Она совсем другая.
И жаркий пыл ты свой умерь,
Её оберегая!»
Нам говорят: «Не пара вы!»
С любимой мы не верим:
Не слушая людской молвы,
Заветный строим терем.

ЭХ, ДУША

Эх, душа... буду пить и напьюсь,
Что-то тяжко в груди, что-то тяжко.
Может быть, я во тьме растворюсь...
Отпоёт меня певчая пташка.
На могилку мою пусть сирень
Пустоцвет свой печально роняет.
И стихи все мои – дребедень,
Пусть их вовсе никто не читает.
Толк ли в том, что я жил или пел,
Крест судьбы Бог взвалил мне на
плечи.
Не хотел я взлетать, но взлетел –
Время лечит и тут же калечит.
...Эх, душа, хмель тебя не берёт,
То есть, пить не к чему, и не буду.
Смерть за мной в этот миг не придёт,
И о ней я сегодня забуду.

Людмила Колодяжная

Россия, Москва

Поэт, кандидат филологических наук. Член Союза Литераторов России. Руководитель ЛИТО Центрального Дома Учёных РАН (с 2007 года). Одна из авторов и редакторов «Словаря языка русской поэзии XX века» (издано 4 тома Словаря в изд-ве «Языки славянской культуры»). Автор 25 поэтических книг. Имеет многочисленные публикации в периодической печати и сети Интернет. Государственный стипендиат России по категории «Выдающиеся деятели культуры и искусств» (2009 г.).

Официальный сайт: www.likolod-poet.ru

Иду Москвой...

Как на призыв забытый твой –
как в забытьи – иду Москвой,
когда высок над головой
звук предпасхальный колокольный...

А я не знаю, как сберечь –
как тайну тающую – речь –
как путь твой строгий пересечь
моей дорогою окольной...

Пусть не когда-нибудь – сейчас –
когда дрожит вечерний час,
что отражён в пустынях глаз –
людей, идущих мне навстречу...

когда пасхальный звук – высок –
летит в небесный потолок,
и одиночество – залог
того – что я тебя – не встречу...

Пусть не сейчас – когда-нибудь,
когда пройду твой тайный путь –
шагами постигая суть –
судьбы изгибы, повороты...

Когда над головой плывут
колокола – когда зовут
не в наш покинутый приют –
в Небес распахнутых ворота...

Мы уже не встретимся в Нескучном

А над нами спутанные кроны
ткали чёрно-белый свой узор –
призрачную сеть седым воронам,
а вдали тянулся ввысь собор –

монастырь апостола Андрея
облачался, словно в ризы, в снег...
Шли. И ты словам моим не верил,
знал, что расстаёмся мы навек,

разлетимся по московским клеткам –
будет сниться нам Нескучный Сад,
словно Райский, тот, в Завете Ветхом,
потому что – нет пути назад.

Мы уже не встретимся в Нескучном,
в лучшем, запорошенном Саду –
снегом, что летел с небес, из тучи...
И я знала, что с тобой иду

в этот день, как будто в день последний,
потому что – шёл последний снег,
потому что – шли с тобой по следу
всех, кто расставался здесь навек.

От Пречистенки до Третьяковки

От Пречистенки
до Третьяковки
шли, себя как будто
провожали...
Счастья мимолётного
подковки
там над каждой дверцею
дрожали.

Путь наш оказался
выясненьем
отношений –
перед той разлукой,
что была немыслима
в весенний
этот день...
Ещё сплетались руки,
помня прошлое,
в последний узел,
разрубить который
невозможно.
Но уже шептали
где-то Музы
этот стих,
чуть слышно, осторожно.

Шли какой-то улицей
окольной,
той, впадающей
в другую незаметно...
И укором плыли
колокольни
в переулочке
Старомонетном.

Шли и выбирали
путь неблизкий,
забывая, что –
мы расставались...
Лучше б, в тупике
Староордынском
в этот день
мы навсегда остались –

где-то возле
старой Третьяковки,
в нитях улочек
Замоскворечья,
где над каждой дверцею
подковки
чуть звенели,
нас лишая речи.

Шли, казня себя,
шли до момента,
когда вдруг
чужими оказались,
и у церкви
Римского Климента,
не входя туда,
навек расстались...

В Коломенское, в Царицыно...

Как хорошо, что куда-нибудь
можно бежать, торопиться,
пусть под землёй, где проложен путь
в Коломенское, в Царицыно...

Как хорошо, что можно, спеша,
вдруг раствориться бесследно...
Так всегда убегает душа
в аду – по Орфееву следу.

Как хорошо, что есть крутизна
оврагов, холмов безлюдных,
где отрезает нас тишина
от непроглядных будней.

Как хорошо, что шаги легки,
сброшено жизни бремя,
и с высоты все изгибы реки
видны – текущей, как время.

Там – так медленно наплывал
воздух медовой отравой,
там – ты медленно перечислял
названья июльским травам.

Долго будет шелест-прибой
в памяти петь, кружиться –
мальва, пустырник и зверобой,
мята, полынь, медуница...

Как хорошо, что когда-нибудь
можно, печаль развеяв,
словно душа, устремляться в путь
ввысь, по следу Орфееву.

Коломенские дали

Чтоб не скитаться по углам,
мы в снежные втянулись сети –
где дань отдавши хрусталям,
стеклянные звенели ветви,

по первозданным шли снегам
среди церквей, одетых в робы
метелей, заглушавших гам,
шли, затерявшись средь сугробов,

шли через снежные мосты,
через овраги-невидимки,
на каждом куполе кресты
над нами возносились в дымке...

И я ждала, когда огонь
звезды затеплится в дороге,
ждала, когда моя ладонь
в твоей руке в час этот дрогнет,

чтобы меня тот час унёс
туда, где облака витали,
где белоснежный храм вознёс
кресты – в коломенские дали,

где дань отдавши хрусталям,
стеклянные звенели ветви,
где мы, оставив жизни хлам,
в небесные тянулись сети...

Михаил Сафин (Шрайк)

Россия, Москва

Минихан (Михаил) Якубович Сафин (сетевой псевдоним – Шрайк) – поэт, член Международного Союза писателей «Новый современник». Родился в г. Калуш Ивано-Франковской области (Украина). Выпускник Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова (МГУ), кандидат физико-математических наук, доцент, имеет более полусотни научных публикаций. Участник нескольких десятков всесоюзных и международных семинаров по физике. Лауреат международного поэтического конкурса «Серебряный стрелец-2010». Многократный победитель и призёр других международных литературных конкурсов. Публикации в литературных журналах: «Лауреат» (№№1,3-4'2008), «Лит-э-Лит», (№№1-2 '2010), «Открытая мысль»; сборниках и альманахах: «Антология прозы и поэзии М.А.Г.И. «Магическое Слово», «Знак цапли», «Жизнь и лира», «Времена года», «Признание в любви», «Мост», «Эпилог», «Есть время для стихов»; детском сборнике «Поделись улыбкою своей».

Испарина с земли

Испарина с земли свежа и холодна,
Пролился дождь стеной,
и тучи приподнялись.
В прорехах рваных синь небесная видна
На куполе густой, индиговой эмали.

Он замкнут над землёй
чуть выше облаков,
И трутся об него мохнатые их спины,
И оттирают пыль полуденных ветров,
Слетевшихся с полей
неведомой чужбины.

А бахрома дождя умыла каждый лист,
И на ветвях каштанов заиграли свечи
Фарфоровых соцветий,
звон их бел и чист,
И тем печальней он,
чем ближе волглый вечер.

Затягивает ночь вуалью облака,
На западе горит полоска красной медью.
День догорел, лишь ты –
светла, но далека.
Как тянется рука к тебе, но –
не посметь мне.

Без Вас

Без Вас мне будет не хватать надежды.
Без Вас мне будет не хватать мечты.
Без Вас не расцветут уже, как прежде,
Ни полевые, ни садовые цветы.

Без Вас мне будет слишком много неба,
Ночами – звёзд в нём, днями – синевы;
Земли любой, где был я и где не был,
Где буду, если рядом будете не Вы.

Без Вас мне будет слишком мало света,
Под солнцем будет мало, под луной.
Без Вас мне будет слишком много лета
И слишком зябко затянувшейся зимой.

Без Вас великолепье интерьеров,
Музейный антиквариат дворцов
Мне будут удручающим примером
Безмерной гордости,
тщеславия глупцов.

Без Вас не слушать музыку, как с Вами.
Любимые мелодии тоской
Обрушатся, сметут волной цунами
И без того на сердце призрачный покой.

Без Вас не будет ветер мне попутным,
А радуга – отрадою для глаз.
Без Вас недели будут поминутным
Отсчётом времени, прошедшего без Вас.

Вечерело

Вечерело,
И месяц худой над забором
Свисал новогодней игрушкой, а крыши
Клубились протекторной пылью,
и город
На солнышке грелся – весенний
и рыжий.
То, жмурясь, толпился
у ржавых киосков,
Стократно размноженный
в радужной пене,
То вдруг замирал, и, зимы отголоском,
Срывался воробышком
на преступленье.

И тотчас, напыщенным
сизым комочком,
Обхаживал узкий карниз и неловко
Взрывался тугой тополёвою почкой,
Смущённый и гордый
весенней обновкой.

Неистово били челом протежёры,
Сварливо гнездились, галдя без умолку,
Покуда чиновник, учтиво-тяжёлый,
Визировал лето серьёзно и долго.

А солнце дымилось и тлело жаровней,
И месяц, шеф-поваром, молодцевато
Задвинув колпак,
над малиновой кровлей
Кивал сокрушённо: Н-да, маловато...

Моя молитвенно-прекрасная звезда

Моя молитвенно-прекрасная звезда,
Единственная на закате дней!
Мой взор к тебе прикован навсегда:
Чем дальше от меня ты, тем сильней
Твой зов, твоё сияние во мгле,
Сочащейся из пор небесных вниз
К обетованной, дорогой земле,
Редеющей друзьями... Мой каприз,
Желанье, прихоть — как ни назовёшь,
Пожалуйста, прошу, осуществи:
Не уходи, ведь если ты уйдёшь,
Погаснет и последний луч любви!
Услышь, моя надежда, голос мой:
Гори, сверкай алмазом, будь всегда
В зените, днём и ночью надо мной,
Моя молитвенно-прекрасная звезда!

Какая горечь в горле

Какая горечь в горле! – День за днём
Спокойствия как не было, так нет.
Зачем стремится взгляд за окоём?
Там – то же, что и на холсте в окне.

Багровый карлик еле различим
В туманной захолустности небес,
Где следствие не ведает причин,
А слово потеряло смысл и вес.

Но сердце продолжает верить снам,
Трепещет птицей, рвётся из груди,
Надеется, что ждёт его весна,
А не зима снежится впереди.

Когда же отпылает сухостой,
Земля напьётся пепельным дождём, –
Зима придёт навек, не на постой,
И стынью прояснится окоём.

Не для меня, друг мой, не для меня.
Но ты дождёшься голоса весны,
И улыбнёшься мне, и зазвенят
Капелью счастья канувшие сны.

Я узнаю тебя

Я запомню тебя, твой чарующий свет:
Сколько б ни было лет
или дней впереди.
Будет память на сходствах
ловить, бередить,
Обжигая, держать перед
прошлым ответ.

Я узнаю тебя по голосу
В многоликом потоке навстречу мне,
Ясным утром и пасмурным вечером,
Не увидев, услышу тебя.

Я узнаю тебя по образу
В белом шуме кипящего города,
Взглядом выхвачу всё, что так дорого,
Не услышав, увижу тебя.

Память – гулкий, неистовый колокол,
Прерывается прошлым дыхание:
Узнавание – как замыкание
Токов непреходящей любви.

Я узнаю тебя через тысячу лет,
Восходящей звездой в небе
не надо мной –
Над по-прежнему обетованной землёй
Ты прольёшь свой печально-
чарующий свет.

Андрей Козырев

Живет и работает в г.Омске. Автор поэтических сборников «Небо над городом» (2008 г.), «Мелодия для луны с оркестром» (2009 г.), «Терпенье корней» (2010 г.). Имеет поэтические публикации в журнале «День и Ночь» (Красноярск), «Голоса Сибири» (Кемерово), альманахах «Складчина» (Омск), «Мой любимый город» (Москва), «Загадки души» (Рязань), «Тарские ворота» (Омск), омских журналах «Пилигрим», «Омская Муза», «Виктория», «Иртыш-Омь», газетах «Омский университет», «Литературный Дом», «Пульс». Главный редактор академического литературно-художественного альманаха «Точка зрения». Руководитель литературной студии «Магнит». Руководитель омского Литературного клуба- кафе «Менестрель».

Лауреат областной литературной премии им. Ф.М.Достоевского (2009 г.). Лауреат областного конкурса им. П.Васильева (2009 г.). Призёр городского поэтического конкурса «Омские мотивы»(2009 г.). Двукратный лауреат литературного фестиваля «Откровение» (2006 и 2008 г.) Лауреат всероссийского конкурса «Юность. Наука. Культура» в г. Обнинске (2003 г.)

В третьей квартире от солнца

* * *

Дрожит шершавый осенний воздух,
Как будто рыбина на блесне.
Как пуговки, к небу
Пришиты звёзды,—
Я их могу расстегнуть... во сне!

В трамвае старом я еду долго...
А небо тучей прикрыло зевок,
И ветер вьётся,
Как стружка, тонкий,
Над серой сеткой ночных дорог.

Но тише... скоро огни погаснут,
И в сердце снова войдёт тишина.
А в небе, знаю,
Как в чёрном чае,
Лимонной долькой плывёт луна.

И время идёт, как трамвай мой, с громом
В своё депо... пассажиры ждут,
Когда трамвай
Повернёт к их дому,
Но знаю я: сменился маршрут.

Земляничная поляна

Мне было от рожденья восемь лет,
Когда большими детскими глазами
Я видел яркий, золотистый свет,
Зелёный луг, украшенный цветами,

Шмелей, лесные травы без конца,
Цвет красных ягод, солнечные блики,
Улыбку мамы, ясный взгляд отца
И ощущал вкус алой земляники...

Я шёл с отцом по узкой тропке вдаль...
Но незаметно пролетели годы,
И взрослой жизни опыт и печаль
Меня отгородили от природы.

Воспоминанья навевают грусть,
Но в сердце всё же теплится надежда:
Когда-нибудь я в детство вновь вернусь
И буду чист и радостен, как прежде...

Я вспоминаю золотистый свет,
Вкус земляники— и невольно плачу...
А на поляне светлых детских лет
Какой-то “новый русский” строит дачу.

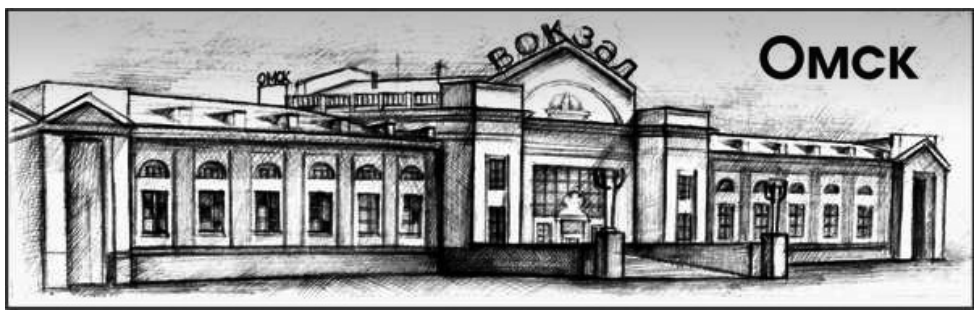
Инструкция для яблони

Будь стойкой! Поверь, ты всегда права!
Расти от лесов вдали!
Я знаю: в тебе до сих пор жива
Вся память моей земли!

Не бойся стоять в летний зной в пыли
И под дождём не грусти!
Пей соки великой твоей земли
И корни в неё пусти!

Поверь, ты живёшь на земле не зря!
Ты выдержишь с ветром бой,
Чтоб хмелем и радостью пахла заря
Над вечной твоей землёй,

Чтоб солнце дало тебе в жаркий день
На пальце каплю воды,
И чтобы в корзинах земных людей
Алели твои плоды!



У нас в гостях постоянные авторы альманаха «Точка зрения»

Волк

Бегу я по траве в конце большого дня.
Идёт, идёт в лесу облава на меня.

Я ранен. Но сейчас уже мне всё равно.
И логово моё разрушено давно.

Повсюду мельтешат кровавые флажки,
Изрешетили воздух ружьями враги.

Волк волку человек! Я не могу забыть,
Что нынче жить с людьми—
по-человечьи выть!

Молчание... Огнём пальнул
в меня злодей.
Но может волк порою укрощать людей!

Но легче жизнь прожить,
чем поле пробежать,
Где алые флажки кругом горят опять...

А небеса легки, и горек запах трав...
Волчата!
Где вы? Где?....
Огонь!...Закат кровав...

К земле припасть. И свет
вдохнуть большим глотком.
И раны облизать шершавым языком.

И что есть сил завыть под залпами огня:
«Волчата! Надо жить!
Не мстите за меня!...»

* * *

Я нашел себе труд—этот город
Изучать, как словарь незнакомый,
Погружаясь в глубокие споры
У дверей мирно спящего дома.

Алфавита дорожного строй,
Фразы улиц, домов запятые,
Многоточие после России—
И пробел между мной и землей...

Кто живет здесь? Не знает сосед...
Отчуждение выжгло до донца
Всем сердца лишь за несколько лет
В этой третьей квартире от Солнца!

Бомж

Дыша невыносимым перегаром,
Он на помойке роется в поту,
Чтоб отыскать средь битой стеклотары
Разбитую прекрасную мечту.

Казалось, жизнь еще не начиналась,
И много было в сердце свежих сил...
Но, потеряв раскаянье и жалость,
Он сердце, как котенка, утопил.

Как лампочка, душа перегорела—
Таков был чувств безудержных накал!
И раскрошилась мысль кусками мела—
Он ими в детстве небо рисовал.

Пропахли мысли городскою гарью...
Обычный бомж, обиженный судьбой,
«Имеет право» быть «дрожащей тварью»,
Но не имеет права быть собой.

А жизнь проходит глухо, безрассудно,
И для него в земном теченье дней
Быть и не быть одновременно —
трудно...
Но выбрать «быть»
во много раз трудней.

* * *

Ты знаешь? Ты помнишь?
Мы видели это:
Как в тигле, волшебные
плавились звезды,
По кругу летели над нами планеты,
И свеж был надземный
разреженный воздух...

Ты помнишь, как мы доставали до неба,
Как пчелами звезды над
нами слетались,
Кружили вокруг—и мы верили в небыль,
А все злоключенья земли забывались?

И мир на глазах у нас снова рождался,
Сверкающий, трепетный,
чистый, огромный,
И тот, кто вращал небеса, нас касался
Руками своими, неведомый, темный.

Как было все это? Хотелось и нам бы
Веками так жить, среди
звездного света...
Но после зажглись в планетарии лампы
И вышли мы, выбросив в мусор билеты.

Америка Любви

Тебя я, как Америку, открыл.
Я долго плыл на корабле сквозь бури,
Глядел вперёд, смиряя в сердце пыл,
И вот—увидел землю средь лазури.

Горой над морем возвышалась Ревность,
Текла Разлука горькою рекой
И выжженная солнцем
Повседневность
Пустынею ложилась под ногой.

Я знаю географию Любви:
На север от неё—река Разлуки,
На западе—страна житейской Скуки,
На юге—царство Спеси-на-Крови.

В тебе растет и ширится закат,
Лежат поля, работают крестьяне,
Бегут гонцы, цветет весенний сад,
Воюют царства и идут восстанья.

Тысячелетья на земле твоей
Кипела жизнь, не находя предела,
Зачем же я, чтоб после мир
возделать,
Топчу Любовь копытами коней?

Америка Любви светла, огромна,
В ней много солнца, счастья и огня.
И на конкисте этой, непреклонный,
Я покорил тебя... А ты — меня!

Поэтесса

Как хамелеон, светофор
занят сменою цвета
В окошке квартиры, где вновь,
погруженная в сказку,
Она пишет строки о горькой любви
без ответа,
О магах и рыцарях, подвигах,
мести, о ласке.

Она одинока. Профессией
стало — прощаться.
От холода прячется снова
и снова в суровость,
И гордость больна у неё...
Только, если признаться,
Фантомная боль это:
жизнь ампутирует гордость.

Сухими глазами привыкнув
процеживать жизнь,
Она вдоль по жизни загадочной
шла не спеша...
Но были мгновенья—она очищалась
от лжи,
И, как фотоснимок,
в тени проявлялась душа.

Я дать ей хотел позабытое
в жизни тепло,
Престол для себя из любви
её сделав в награду...
А счастье в небесном конверте
её не нашло
И снова вернулось навеки
к её адресанту.

Дарья РЕШЕТНИКОВА

* * *

Портье с лицом “кого ещё несёт”
Откроет дверь, как перед сквозняком.
Парадная пропахла табаком.
Лифт. Дверь. Войти, упасть,
заснуть - и всё.

...Ещё тысячелетие без сна.
В соседних клетках - люди без имён,
На циферблате - цифры без времён...
Её окно - не ближе, чем луна.

* * *

Прозрачной рыбой нырнула
в утро — и хорошо.
Как хлеб пшеничный,
пространство режу тупым ножом.
И в чёрный кофе — холодный
сахарный порошок.
И прячу зонтик. И притворяюсь,
что дождь прошёл.

Ты покури со мной,
тишина моя, помолчим —
Чтоб для тоски моей
не оставалось уже причин,
Чтоб, руку запустив в карман,
не искать ключи,
И чтоб плацкартный чай не так
откровенно горчил...

Чтоб отогреть слова, вымерзшие до дна,
И долгий влажный взгляд —
в иллюминатор окна,
Где лишь туман и роса
и выжженная весна,
И только мечутся чьи-то жизни
за кадром сна...

«ТЕАТР»

Механический лес обесточен.
Софиты устали.
Обескровленный свет
Тени сметает в угол.
Это — плантация драм, империя кукол,
Мир заменяемых лиц и плюшевой стали.
Мир на опилках, бумаге и поролоне,
Мир неживой темноты и
искусственных зарев...
...замшелый Шекспир на площади
спрашивает глазами:
«Когда же закончатся самоубийства
в Вероне?»...

* * *

Переболит. Развеется. Пройдёт.
И ностальгией выкипит невнятной.
Мне места нужно — лишь на шаг вперёд,
Но в рюкзаке лежит билет обратно.

...а осень гасит свой кленовый свет,
Летящим снегом ранена навылет.
И смотрит за спину,
как будто крыльев нет.
И тихо плачет, будто крылья были...

* * *

Офсетом крыльев птицы шелестят.
Страницы стай, точёных литер соты,
Нерукописный памятник высотам,
Чернильной Эммы бирюзовый яд...

Шагая по слогам, друг другу в такт
Взаймы у неба скромно просим краску —
И расцветает симфо-типографский
Метафорический вербальный сад.

Пиши меня! Словесный лес дремуч,
Но тих, как игры в бисер невесомый.
Повесь вон там, у входа, ключ басовый
(На самом деле — от квартиры ключ).

Вкус текста в венах:
ты звучишь во мне,
Как вязь из нот на гибком
нотном стане.
Как текст с подтекстом,
мы с тобою станем
Одним иероглифом на простыне.

* * *

Исчезнуть и забыть пути назад.
Слова стучат, как поезд, у виска.
Как можно не смотреть в твои глаза —
Космические, в искрах молока?...

Ты будешь врать ей в каждый
мой приезд
И вздрагивать от каждого звонка,
Когда мне хоть одно из сотен мест
Прибережёт какой-нибудь плацкарт...

Аполлинария Батюшкина

ВДОХНОВЕНИЕ

Я лежу на траве.
Откровенно уставилась в небо.
Эта вечная юность
в изгибах седых облаков!
Я забросила в вечность
волос перепутанных невод:
Я так рифмы ловлю и кусочки
рассыпанных слов!

На ладони травинками выложу
линии жизни.
Я люблю это солнце и блеск
преходящей росы!
Будет ветер теплее. А Муза –
стройней и капризней.
И в стихи заплетутся
зелёные строчки травы...

* * *

Не смогу раствориться в твоих глазах!
Для меня только небо – залог мечты.
Эта странная жизнь – пустота и прах.
Не смогу раствориться... а смог бы ты?!

Отвечая на верность плевком измен,
Я танцую с дождём, я целую мрак.
Моя кровь – кипяток для обычных вен.
Ты нажми на курок, если что не так.

* * *

Я чувствую холод, бегущий
по контурам рук.
Я чувствую шепот струящихся
вдаль поездов.
Меня с головой окунает
в избыток разлук.
Меня исцеляет жестокость
больших городов.

Я буду как солнце гореть.
А ты будешь слепым.
Ты крикнешь мне в спину.
А я уже буду глухой.
Ты утром увидишь,
как я превращаюсь в дым
Твоей сигареты.
И пепел стряхнёшь рукой...

* * *

Мне греет ступни
Онемевшая гладь площадей.
Иду босиком
В равнодушии тысяч людей.
Меня в мегаполисы тянет
Стервозность и желчь.
Я жизнь прожигаю,
А хочется вечность прожечь!

* * *

Меня счастье не дёргало за рукав.
Не звало, улыбаясь, в цветы и лето.
Лишь одно усмиряло мой гордый нрав:
Этот взгляд с отражённым
внутри рассветом.

Слышишь? Рифмы посыпались из души
Под подсветкой мобильника
в три часа ночи.
Вот бы жизнь мою счастьем
насквозь прошить!
Загорается утро. А мне не очень...

Что-то импульсом странным
стучит в висок.
Недосып. На одной из ладоней бритва...
Эта жизнь так таинственна!
Между строк
Самой свежей газеты дрожит молитва...

* * *

Скрипнула дверь,
поперхнувшись ключом.
В прошлое ставни забиты, запаяны.
Кто-то спросил: «А любовь почём?»
Похожа на нищенку я?
Неприкаянную?

Нет! не по мне торговать собой:
Ни телом, ни сердцем,
ни даже мыслями!
К тому же и нет у меня ничего:
Всё, до последнего чувства вытрясли!

Вот и остались один на один:
Я и зовущая даль пустая.
А кто-то далёко зажжёт камин,
И вспыхнет огонь, мою жизнь листая...

Марина Гелевая

* * *

Взгляд на себя: стала слишком тиха,
Даже уживчива.
Разве что только в рамках стиха –
Юмор с ужимками.

Стиснут характер в седое пальто,
Стянут под поясом.
Сердце лишь ночью – громче на тон
Кажется голосом.

Редкие сны возвращают меня
В дальнее прошлое.
Там превращаются ливни, звеня,
В нечто хорошее.

Жизнь нараспашку открыта, смела,
Лихо закручена.
Там, я ни разу еще не была
Приручена...

* * *

Это еще не боль,
Это еще не пламя.
Что-то во мне с тобой
Перемешалось плавно.

Так поражает ток,
Так протекает время.
Это, пожалуй, то
Что, как наркотик, вредно.

Это нельзя понять
Было и будет им пусть.
Это в тугую прядь
Стянутый нервный импульс.

Это еще не жар,
Только лишь шаг навстречу.
Чем же тогда душа
Отягощает плечи?

* * *

Ни воли, ни тюрьмы.
Ни милости, ни казни.
Обычная судьба без права на повтор.
Случайный человек живет
посредством разных
Сезонных сизых чувств,
забытых «на потом».

А в городе – зима. Гудит и полыхает
Полуденный час-пик,
внезапный, как пожар.
А в городе – зима, холодная, глухая,
Как чья-то в этот миг замерзшая душа.

Вдоль серых площадей рябит
проезжий транспорт,
Колотится метель то в окна,
то в сердца.
На тысячи шагов разрезано
пространство,
И нет конца...

* * *

Холодный выгоревший свет,
Зажатый в щель под старой дверью...
Подушки, выбитые перья,
Из бусин сломанный браслет...

Здесь нет порядка и тепла,
Сюда давно не ходят люди,
Раздора яблоко на блюде
Да сырь столетнего дупла...

Ты не стучись, твой стук – беда!
Не приходи – я не просила...
Здесь так темно и некрасиво,
Зачем тебе идти сюда?

Здесь все мертво и нет любви.
Ни звуков музыки, ни песен...
Для всех на свете пуст и пресен
Теперь мой мир. А ты живи...

* * *

Во всем копирую тебя:
Манеры, шуточки, затейки...
Дожди весну вовсю трубят,
А я к окошку жмусь в куртейке.

Оплачен длительный проезд,
Я от людей давно не прячусь...
Боюсь, что душу мне проест
Моя сегодняшняя зрячесть,

Затем и вглядываюсь в дождь
С его экранными помехами.
Определен маршрут. Ну что ж...
Поехали?..

Игорь Сенин

Звёздный час

Городки провинциальные

Городки провинциальные,
Возле Волги и Оки...
Их названья музыкальные
Благозвучны и легки.

Здесь зимой – дымки над крышами,
Летом – лодки у реки,
В тишине, повсюду слышные,
Пароходные гудки.

Здесь сады цветут вишнёвые,
Так что кругом голова.
И дома совсем не новые,
И не новые слова.

Жизнь размеренная движется
Без излишней суеты,
На ветру бельё колышется,
Спят на солнышке коты...

Здесь живут страны традиции,
Здесь обычаи живут,
Позабытые столицами,
Сохранившиеся тут.

В городке хотел бы маленьком,
Где акации, сирень,
Где цветы по палисадникам,
Свой последний встретить день.

Живёт в душе романс

Старинный, современный...
У каждого из нас
Реликвией бесценной
Живёт в душе романс.

Серьёзный, ироничный,
Любовный, городской...
Такой родной и личный,
До боли дорогой.

Проходит день в заботах,
Звезда во тьме зажглась,
И снова от чего-то
Звучит в душе романс.

Связь музыки и строчек,
Где радость и печаль...
И плачет колокольчик,
И тройка мчится вдаль...

Акаций гроздья белых,
И блеск былых времён,
И пламя взглядов смелых,
И золото погон...

И нынешний, и старый –
Ему повсюду дом,
В компании с гитарой,
С друзьями за столом,

И в зале на концерте...
Ведь просто, без прикрас,
Средь жизни круговерти
Живёт в душе романс.

Листья

Листья осени – красные, жёлтые,
От чего опадают они,
Словно руки, к высотам простёртые,
Словно чувств уходящих огни?

Потому ль, что такие прекрасные,
Что вобрали в себя свет лучей,
Или чувства их гонят напрасные
От родных оторваться ветвей?

Их сжигает костёр ослепляющий,
Не увидят друг друга потом...
Так и мы – гибнем льдинкою тающей,
Опадающим с ветки листом.

Мы уносимся, ветром гонимые,
Но приюта по-прежнему ждём,
Вспоминая про руки любимые
Под холодным осенним дождём.

К солнца свету стремимся доверчиво,
Счастьем полною грудью вздохнуть,
Но сгораем в костре опрометчиво,
Горсткой пепла окончив свой путь.

Будут радостно листья зелёные
С ветерком озорным шелестеть...
Где им знать, что, костром опалённые,
Встретят тоже разлуку и смерть.

Виктория Сенькина

* * *

Приснилось мне,
что я твой верный зверь
и сплю в ногах на бархатной подушке,
И ты уходишь, закрываешь дверь,
я за тобой, ты говоришь: «Не нужно».
Когда шаги растают в тишине,
я подкрадусь к двери на мягких лапах,
и в утешение остался мне
твоих перчаток черных милый запах.
А после в дом ты приведешь её
с холодной кожей, яркими губами.
Её духи мне отобьют чутьё.
Она теперь все время будет с нами.
За эту ревность ты меня прости,
ты должен знать, я не могу иначе,
я не хочу на брюхе к ней ползти
и молча принимать её подачки.
И ты меня отпустишь летним днём,
я не сужу, тебе ведь тоже больно.
Ты совершил предательство невольно,
или сознательно, но дело ведь не в том.
Ты стал чужим. Ты, близкий и родной!
Я ухожу неслышными шагами.
И мой надсадный,
хриплый, страшный вой
лишь ветер разнесёт над пустырями.

* * *

Как жаль, что нельзя
тебя просто обнять,
Вдавить свои пальцы до хруста в плечи.
Смотрю на тебя опять и опять,
Похоже, что время уже не излечит.
Как жаль, что нельзя клок
одежды твоей
Хранить, как сокровище, в тайнике.
Я с каждой секундой люблю сильней,
Гляжу на тебя, ток бежит по руке
И дальше, до самого мозга, вглубь,
Срывом нервных волокон грозя.
Люблю, — из моих
искривленных губ, —
Люблю!!!! А коснуться тебя нельзя...

* * *

Мне кажется, что я сто жизней прожила,
Мне кажется, что я сносила
двести масок,
Что я была темна, что я была светла,
И был огромный мир,
весь спектр разных красок.
И кто-то рядом был,
и звал меня на волю,
И говорил, что лес в зеленое одет,
Что нас с волненьем ждут
и озеро, и поле,
Как узников, в тюрьме
проживших много лет.
«Иди же босиком,
лишь в легком пестром платье,
Пусть за тобой бежит
пушистый верный пёс.
Как Божий мир хорош!
Он нам раскрыл объятья,
И каплет сладкий сок
из вскрытых вен берез.
И глубоко дыша,
пить этот воздух сладкий,
Ведь небо омрачить уже не сможет дым.
И в счастье вдруг шагнуть,
с трамплина, без оглядки,
И нам цветы простят,
что мы идем по ним».
Но я отвечу так, бесслезно и устало,
Не жалуясь уже, и больше не любя:
«Забыла детство я, заставила себя,
Вновь годы пролетят, а опыта так мало».

* * *

Небеса отражаются в лужах,
А по ним ходит чей-то сапог.
Пестрый зонт сжался так неуклюже,
Сжался он, потому что намок.
Ты одна здесь гуляешь, не так ли?
Под дождем так приятно гулять.
И тяжелые, крупные капли
Целуют волнистую прядь.
Пестрый зонтик как будто собака
Черный зонтик учуял в саду,
И, дождавшись ответного знака,
Засмеялся и крикнул: « Иду!»
А промокшие люди ругались,
Свои нервы опять бередя,
А влюбленные целовались,
Не заметили вовсе дождя.

Дмитрий СОСНОВ

В любви – позиционная война

Ты - боль, ты - свет,
ты - грех, ты - покаянье,
Распятье - ты, и воскресенье - ты.
Ты - вознесенье, наконец.
И постоянный
Моей души кабак и монастырь.

Так, видимо, начертано на бланках
Двух судеб высочайшею рукой.
А если проще - оба мы подранки
И друг для друга вечный непокой.

Нам никуда от этого не деться...
Да и к чему, скажи мне, забывать
Твои стихи - на окончанье «детства».
Их до сих пор так хочется читать.

Не стоит нам, любимая, лукавить.
По-разному один момент мы ждем,
В котором Бог прощение объявит:
Вы можете спокойно быть вдвоем.

* * *

Право на единственный звонок –
Точно право на дуэльный выстрел!
Пять минут - и голос твой замолк,
И гудки над памятью повисли.

Вроде чувства жаркие прошли,
Сердце успокоилось навеки.
Только силой висельной петли
Давит боль на памятные вехи.

Но прогнать её не тороплюсь!
Эта боль - отрадней, чем другие.
Я на левый берег - не вернусь,
Заберу оттуда ностальгию.

По холодным зимним вечерам,
Что когда-то душу отогрели,
Я тогда себя не помнил сам,
Опьяненный трепетною целью...

Я еще... Нет, лучше помолчу,
Прошлое - навек неуловимо!
Голова трещит, как старый чум,
Полный очаговым горьким дымом.

И скажу, стихи припомнив те,
Где писал, что счастлив в жизни этой:
«Прошлое, останься в чистоте,
Вновь за двух любивших, двух поэтов».

Первый дождь

Чуть зашумел весенний первый дождь,
И во дворе листвой запахло прелой.
Задумался о том, что не вернёшь
Священно-нежной милостью апреля –

О том, что, видно, мне не быть с тобой,
А быть - душою всею - так хотелось...
– Ну что ж, апрель,
прощанье с милой пой!
На эту просьбу отыщу я смелость.

Я честен пред любовью и судьбой.
Играй дождём,
что скрыть поможет слёзы.
Поэзией венчались мы с тобой,
А развела нас жизненная проза.

* * *

Улетай, моя белая птица,
Не могу я тебя удержать.
Только знай: будет долго мне сниться
Твой отлёт через годы опять.

Уноси моё счастье на крыльях –
Я не вправе тебя осуждать.
Я уже не кричу от бессилья –
Силы нет молчаливо кричать.

Уноси без возврата и радость,
И печаль мной воспетой любви,
Но оставь драгоценную малость –
Недопетые песни мои.

Майская ночь

Ночные яблони как будто слиты с небом
Ветвями, листьями и просто тишиною.
И нежные цветы - белее снега –
Душе даруют что-то неземное,

Которое не обозначишь словом,
Поскольку это просто ощущенье,
Вернее, чувство, что душа готова
Принять к Творцу благое приближенье

И стать песчинкой в море мирозданья
Для доброты и света обретенья...
Ночные яблони, о как я благодарен
За ваше чудотворное свеченье.

Игорь ХОХЛОВ

Как мне в ладонях чистоту нести?

Как разгадать, понять и как познать мне
Существованья потаённый смысл?
Сквозь годы вновь зовут в свои объятья
Забытый лес, и поле, и холмы...

Изба теперь хозяев не дождётся,
С любовью примет ли она других?
За кроны елей, лиственниц и пихт
Чужой ребенок провожает солнце.

Там, в детских днях,
остались птички, бойко
С рассветом пробуждавшие село...
А я? Кто я? Лежу себе на койке
И, как старик, вздыхаю о былом.

Сиянье звезд над безмятежным краем,
И первый снег, кристально-чистый снег...
А я? Кто я? Родился ли в свой век?
Какую Русь в стихах я воспеваю?..

* * *

Соком налились до опьяненья
От жары все травы и цветы!
Ждет июльской ночи, как спасенья,
Солнцем зацелованный Иртыш.

По песку пройдёшь, как по костру, ты,
Правда - затруднительны шаги!
Не спадет тепло ни на минуту,
Праздник у Ярилы – Солнце, жги!

Дай природе пылом насладиться!
Луч руками ты с небес лови!
По своим поселкам и столицам
Разбежались кучей муравьи.

Не сбежать, не скрыться – всё во власти
Летней изнуряющей жары.
Ждут леса, как чуда и как счастья,
Ветра долгожданного порыв.

Но лишь полдень, ночь совсем нескоро,
Край сибирский раскалён и нем.
Далеко в истоме тлеет город,
Ну а здесь – всё буйство видно мне.

Все недвижно ожидает влаги -
Раскалённый берег и село.
Просят у небес дождя и злаки,
Не найти прохлады уголок...

Царствует июль, и лето пышет,
Небом дан приказ: «Сильнее греть»!
Видно, предназначено так свыше:
Время дать морозу и жаре.

* * *

Как мне в ладонях чистоту нести?
Как мне в глазах
Сквозь дней бездушных пыль
Не потерять свет чувств,
И знать, что впереди
Все лучшее...
И вот – закат уплыл...
И я спешу...
Да, я спешу за ним!
Бежать на запад! –
Может, стану ближе...
И завтра снова солнца желтый нимб
К себе поманит –
Ну, скорей, беги же...
Хочу я видеть ели за окном
И слышать
Птичье пение с утра...
Но просыпаюсь
В шуме городском,
Асфальт и камни
Вижу вместо трав.
А по ночам я слышу поезда,
И мне уснуть
Порой мешает грохот,
А из окна
Хоть бы одна звезда
Мне подмигнула б...
За окном – лишь хохот.
Напился пьян
Какой-то человек,
И дела нет до чистоты и света.
Он мне сказал бы:
- «Двадцать первый век,
Чего ты хочешь?..»
«- Да хоть двадцать третий!
Хочу любить я
Обалдевший мир,
Зачем тогда родился
И живу я?»
И пусть твердят мне:
«Все, как есть, прими,
Ты зря придумал
Сказку золотую...»
...Как мне в ладонях чистоту нести?

Юлия БУНИНА

ПОРТРЕТ СОЛЬЮ

1. Встреча с морем

Года слетели листьями.
Мы так давно не виделись!
Ты - тайное, ты - явное со мной,
Ты - нежное, ты - грубое...
И я с бутылкой «Туборга»
Склоняюсь над волной.

Давай-ка по стаканчику
За девочку, за мальчика
И по глотку за всех,
За наш рассвет над крышами
И за собаку рыжую
На тоненькой косе.

Давай, хлебнём за прошлое,
Обманчиво хорошее.
Которое «вполне»! ...
А нежной пены капелька
Качается корабликом
На пасмурной волне.

2. Давнее

В тот день мы оба были правы.
И - нет, не ты, а только ветер
Врывался в мой продрогший свитер.
И - нет, не я, а только травы

Тебе шептали, щекоча
Виски колосьями сухими,
На невозможном суахили
Мои слова, мою печаль.

Мы зачеркнули слово «завтра».
И лишь солёные собаки
Следили, как уносит бакен
(Быть может, к острову Суматра?)

Уже без нас. Мы были правы,
Когда ладони расплели,
Когда налево и направо
Поплыли наши корабли.

3. Соавтор

У белого кота на всё своя метода:
Он ходит на обед без вилки и ножа.
У белого кота неясная порода,
Бездумные глаза и чистая душа.

Когда кленовый лист планирует
на строчки,
Я забываю всё, что нынче налгала,
И только белый кот
одним движеньем точным
Напоминает мне,
насколько жизнь мала.

Он видит сквозь меня движение эфира.
Он знает, что во мне
копилось столько лет.
Его не подкупить ни блюдечком
кефира,
Ни славою мирской, ни россыпью
монет.

Но завтра мы вдвоём покинем
корпус рано,
Уйдём за волнорез на долгую косу,
И, бормоча под нос беспутного
Хайама,
Разделим пополам солёную хамсу.

4. Уезжаю

В декабре неуютно и зябко
Возле моря.
Я кусаю солёную прядку
И не спорю.

Уезжаю. Знакомо и остро
Колет сердце.
Мне сейчас надышаться бы
вдосталь,
Наглядеться.

Ветер сносит взлетевшую чайку
К серым дюнам...
Потерял золотую печатку
Мачо юный...

И разносят по-прежнему псы,
Прибегая
С той далёкой холодной косы,
Запах мая.

То ли мёдом так горло горит,
То ли болью...
Море пишет прощальный портрет
Белой солью.

Ирина ЮРТАЕВА

Аркадий КУТИЛОВ

Я - вечный завсегдатай чердаков
И мэтр полуподвальных помещений,
Собой ряды пополнил чудаков -
Искателей опасных приключений.

Гнобили, а я запросто плевал
На всех, кто мне внушал
большие страхи.
Сегодня, как зарвавшийся нахал
Смотрю на них со старых фотографий.

Искали в микроскопы грязь врачи,
В железных прутьях окон пряча небо,
Нельзя сказать,
что был стерильно чист,
Но, как им ни хотелось,
болен не был.

Сжимая авторучку, как кистень,
Чтоб выжить, звал на помощь
только память,
Чтоб можно было каждый божий день
Любя, облагораживать стихами.

Я слепнул, глох, сутулился и чах
В борьбе за жизнь растрачивая силу,
И на любимой Родины плечах
Снесён я в безымянную могилу.

За фото неудачное - прости,
Затем я и расхаживал с котомкой,
Чтоб стал теперь мной
выстраданный стих
Доступней и понятнее потомкам.

Смущает, что изгой поставлен в строй?
Стою на равных, по перу собратом.
А всё, что было связано со мной,
Вдруг сделалось
музейным экспонатом!

Колхозник я, а не наследный принц.
Мне жить в музее как-то неприятно.
Вернулся, словно с фронта,
со страниц,
Послушал, приобщился, и... обратно.

Вячеслав ОМСКИЙ

Не жалейте бронзы для поэта

Памяти А.П.Кутилова

Не жалейте
бронзы
для поэта,
И гранита
тоже
не жалейте,
Эхо подвига –
признание,
как это,
Падает
единожды
в столетье...

Аркадию Кутилову

Культурный слой
в народе с постоянством
Из века в век приход ПОЭТА ждёт.
А он придёт в залатанном убранстве.
Придёт как Бог, никто не узнаёт...

Не надо слов, не надо песнопений.
Вокруг нас жизнь –
“святая простота”,
Прочти стихи и ясно: автор – гений,
Неважно, что поддёвочка не та!..

«Австралия? Это там, где аборигены съели Кука?» – сообразит подкованный читатель. И будет неправ. Аборигены напали на Кука на Гавайях, и мирные жители Австралии абсолютно невиновны. А любители Городницкого вспомнят: «Буду жить я вверх ногами и не думать ни о чём». Но нет, попавшие в Австралию русские, всё-таки, о чём-то думают. И это придуманное записывают. А потом встречаются, читают, слушают…

Русскоязычные писатели живут в Австралии уже почти сто лет: первые русские журналы, “Дальний юг” и “Чужбина”, издавались в городе Брисбене ещё в 1929-1930гг. Но новым толчком к развитию русской литературы в Австралии послужило появление литературной ассоциации «Антиподы», которую уже в новом тысячелетии основала Татьяна Бонч-Осмоловская.

25 ноября 2006г. ИТАР ТАСС сообщило: «Первый фестиваль русской литературы «Антиподы» стартовал сегодня в австралийском городе Сидней. Решение организовать культурную акцию возникло из-за необходимости объединить людей творчески одаренных и дать возможность поделиться опытом молодым русскоязычным писателям и поэтам, живущим в Австралии».

Прошло почти пять лет. Фестиваль «Антиподы» проводился уже трижды, открывая новых ярких писателей самых различных направлений. Лауреатами фестиваля в разные годы были поэт харбинской волны Нора Крук, остроумный и лаконичный прозаик Яков Смагаринский, поэты Елена Михайлик, Сергей Ерофеевский, Всеволод Власкин, Геннадий Казакевич. За эти годы на сайте ассоциации (www.antipodes.org.au) появилось множество интересных текстов, голоса «антиподов» звучали на австралийском радио SBS, были опубликованы сборники австралийской поэзии. Более того, австралийцы неоднократно устраивали совместные мероприятия со своими российскими собратьями – спасибо интернету! А тем, кто пока ещё не слыхал о «жизни у антиподов», данная подборка авторов позволит открыть… ну если не Америку, то хотя бы Австралию!

Наталья КРОФТС,
представитель «И» в Австралии

Нора Крук

Поэт и переводчик. Родилась в 1920 году в Харбине, с 1942г. работала журналистом в Шанхае, и позже – в Гонконге. С 1976г. живёт в Австралии. Русские стихи печатались в журналах и в антологии «Русская поэзия Китая» (Москва, 2000). Автор трёх сборников английских стихов, призёр Содружества австралийских писателей (1993) и Ассоциации австралийских писательниц (2000).

* * *

Выдаётся счастья полчаса:
Утро, птицы, и стишок удался,
И не высохла ещё роса,
И никто ни с кем не распрощался.

Как растрёпанный жасмин душист!
Я ищу в твоих глазах улыбку
И молюсь, не веря ни во что,
Чтобы врач не совершил ошибку.

Emerald City*

В этом городе изумрудном –
Бухты, пляжи, загар на лицах,
Джакаранды, спортклубы, бары,
Небоскрёбы и «ягуары»,
А в траве у скамеек – шприцы.

Почему же уходят дети?
Часто – штопором, прямо в ночь...
Мы чего-то недосмотрели,
Недослушали, не сумели
...чем помочь?

**«Изумрудный город» - пьеса Дэвида Вильямсона о Сиднее*

* * *

Зеркала... мы писали
о них с придыханьем,
Их таинственный мир
был прекрасен и молод.
Все обиды лечились
волшебным касаньем,
Врачевала улыбка наш тайный голод...

О предательстве зеркала всем известно:
– Кто белей и румяней? – И та, и эта...
Опасаясь, что мненье зеркал не лестно,
Не прошу у стеклянной судьи ответа.

Но порой... Проходя близ
зеркал нескромных,
В голове подбирая стишок по слуху,
Я ловлю чей-то образ... Неужто маму?
Нет, не маму, а чуждую мне старуху.

Сергей Ерофеевский

Родился и вырос в Ростове-на-Дону. Окончил Машиностроительный институт. Работал на заводе, затем в газете. С 2000 года живёт в Австралии, в Сиднее. Работает в разных жанрах (стихи, рассказы, пьесы).

Ода дождю

1

Сегодня дождь, я не пойду на бал,
Тем более никто не приглашал,
И не было в округе нашей бала
Уже сто лет, в обед, и в ужин,
Один не шёл, другой не звал,
Но хлещет дождь, и мне никто не нужен.

2

Сегодня дождь, мне
не в чем выйти в свет,
И незачем, размыты свет и тени,
Кидает в дрожь стихи и куст сирени,
Мой силуэт, в окне, сквозь рябь капели,
Смакует грусть под ливня трели.

3

Сегодня дождь, не время для утех,
Расстроены корриды, карнавалы,
Пьют горькую шуты и зазывалы,
Октавой ниже – колкий женский смех,
Сманённый похотью
в сивушные подвалы,
А тех, кого здесь нет
Не рвут на части мокрых древ цимбалы
И не корёжит клавишный дуэт
Дырявых крыш и водяного шквала.

Лишь я не знал, что праздник отменён,
И, как болван, танцую под дождём.

4

Сегодня дождь, такие времена,
Улыбки спрятались
под чёрными зонтами,
Не до цветов, малыш, идёт война,
Вода и ветер движутся фронтами.
На нас? Не думаю, мы за стеной,
На ту берёзу, взмокшую от страха,
На иву у реки идёт волной
Гроза, и синюю рубаху
Рвёт на груди...
Такие времена,
И я тебя слепил из винных капель,
Война, малыш, слёз горьких пелена,
А я любуюсь, как ни есть – предатель.

Геннадий Казакевич

Родился в Москве. Окончил экономический факультет и аспирантуру МГУ. Живёт в Мельбурне и преподаёт в университете имени Монаша. Как экономист известен академическими работами и статьями в австралийских газетах. Литературные публикации: «Зазеркалье», Мельбурн, «Russian Link», 2003; “Голоса», Новосибирск, Серия «Свеча», 2005; подборка в Новой Антологии Поэзии «Земляки», Москва, серия «Мир говорит по-русски», 2009; постоянный автор альманаха «Австралийская мозаика».

Авраам

Чей голос слышал ты во сне, глупец?! –
Для жертвы этой время не настало.
Тебе ли знать, кто – жертва, кто – отец.

Вокруг пасутся сонмища овец.
Кому приплода их недоставало?
Ты что затеял, выскочка, глупец?!

Подумал ты, что сын твой – образец,
Что агнец непорочный он – тот самый?
Тебе ли знать, кто – жертва, кто – отец.

Вот горлица, вот овен, вот телец,
Вот праведников хор поёт осанну...
Твой дар нужнее, думаешь, глупец?

Смотри! Что ни властитель, то - подлец -
В строй под ружьё юнцов отряды ставит,
Не думая, кто – жертва, кто – отец.

Что от ножа, что на кресте конец –
Адамову отродью дела мало.
Не важно вам, кто – жертва, кто – отец.
Всё это зря. Ступай с горы, глупец.

Что тебе, Боженька, стоит?..

Господи, лучше меня
знаешь, что скоро состарюсь.
Что тебе, Боженька, стоит? –
Дай мне ума, наконец,

И удержи от соблазна –
дай мне по-прежнему думать,
Но не давай поучать –
хватит зануд без меня.

Рот мне заткни, если стану
ныть о болезнях другим –
Будет болезней всё больше,
слаще беседы о них.

Главное, силы мне дай,
чтобы признаться скорее –
Больше ошибок своих
в жизни моей, чем твоих.

Семён Климовицкий

Москвич, живет в Австралии с 1980г.; до этого долго жил в Италии и Новой Зеландии. Пишет стихи и прозу; автор публикаций в ряде периодических изданий («Литературная газета», «Литературная Россия», «Русская мысль», «Дети Ра» и др.). Победитель конкурса «Золотое перо России», лауреат ряда других литературных конкурсов. Работает врачом-дантистом.

Прочь, рецидивы зимы

1.

Прочь, рецидивы зимы!
В дебрях Вселенския тьмы
Хлад да колючая наледь.
Сколько смертей, дуралей,
Плачут по жизни твоей?
Снег налетает с полей.
Не заметёт, так завалит.

В дебрях Вселенския тьмы
Только и толку, что мы
Крохотны волей Господней.
Зябко нам, страшно, темно.
Ночь залезает в окно,
Завтра приставив к сегодня.

Что же – опять холода
К нам долетели сюда?
Хрупко убежище лета.
Свет, что в низине застрял,
Бьётся в сетях октября.
Надо ли думать об этом?

Зимно – как скажет поляк.
Ветер в опухших полях
Не остановит разбоя.
Век нам с тобой не заснуть,
Плакать да глаз не сомкнуть...
Что же мне делать с тобою?

Тщетно томление рук.
Утром спасательный круг
Солнце на шею набросит.
Руку подай в пустоте
К затридесятой версте.
В ссылке, как скорбный Иосиф.

В холоде этом смурном
Жизнь перекрутит вверх дном.
В ангельском этом тумане
Думаешь всё об одном –
... тёплую чарку с вином...
с книгой возлечь на диване...

Прочь, перепады страстей!
Этих заморских гостей
Как приютить-приголубить?
Девять кошачьих смертей
Плачут и ждут новостей.
Ночью десятая сгубит...

2.

Весь тараканий мирок
Взглядом косит за порог,
Нечисть густа и прелестна.
Что ж, незабвенный Фома
Спятим тихонько с ума,
Жизнь промотав безвозмездно

В дебрях Вселенския тьмы
Жалки и трепетны мы,
Богом забыты и плохи.
Дети эпохи и проч.,
В голую черную ночь
Брошены лаской эпохи

Всей ли Вселенной в предел
Мир эту кожу надел?
Чтобы ни писка, ни всхлипа
Не доносилось отсель.
Ночь – это гроб да постель
Замыслов наших великих

Но изо дна, изо дна
Тонкая нотка одна
Пискнет про то и про это.
Ночью душой рождена,
Впрок никому не нужна,
Ах, но надеждой согрета...

Вот и промчит карусель
Лет, и для нас, карасей –
(прочь, говорю, рецидивы) –
лет и наверное – дней,
Где впереди всё верней
Точка в конце перспективы

Весело нам и светло.
Ветер стучится в стекло.
В спальне сугроб намело.
Прыгнуть да спать поскорее

Много ли проку с того,
Что на дворе Рождество?
Да на душе – ничего
Ночью, в начале апреля.

Австралия

Пальто мадам Гройсман

Ирина (Ляля) Нисина.

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Пединститут. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живёт на Голд Кост в штате Квинслэнд. Главы из повести и отдельные рассказы опубликованы в журналах «Стороны света», «Чайка», «Филадельфия» (США), «Алеф» (Москва-Нью Йорк), «Меценат и Мир», «Южная звезда» (Россия), «Австралийская мозаика» (Австралия), «Самовар» (Канада), «Учитель Алматы» (Казахстан), в сборнике «Шаг вперед», альманахе «Побережье» и др.

В моей семье я – последнее поколение провинциалов.

Где бы я ни жила, а считаю себя жителем маленького города. Главная улица Ленина, парк культуры и отдыха имени Горького, центральный универмаг, колхозный рынок, кинотеатр имени… Десять лет ходишь по улице Ленина в школу и обратно, знаешь в лицо всех проходящих...

О чем мы сегодня? Ах, да, о пальто мадам Гройсман. Вот она, Мара Израиловна, спешит на работу в своем в черном пальто с блестящими пуговицами и в каракулевом берете «Фантази». Из-под вытачек пальто выпущен черный блестящий шелк, таким же шелком оторочен воротник и манжеты. О-очень стильное пальто!

Пальто мадам Гройсман шил лучший мастер Дома Быта Ленинского района Михаил Борисович Кашка. За пальто Кашка запросил с мадам Гройсман сто пятьдесят рублей. Без оформления, конечно.

«Почему сто пятьдесят?! – возмущалась мадам Гройсман. - С Самариной вы взяли сто, с Мисюрис сто и с Гершензон сто!»

«Ну а как же, мадам Гройсман?! - удивился мастер, - Вы же, женщина, не в обиду сказать, крупная, удовольствие смотреть. Но шить на Вас, простите, двойная работа!»

Муж мадам Гройсман заведовал продуктовым магазином. Наслушавшись жалоб жены, он стал брать с Кашки двойную цену за дефицитные продукты. Кашка обиделся и все ему высказал: «Ну, если у кого жена, что пока вокруг обойдешь от сигареты один бычок останется, то, конечно, ему нужны большие деньги, чтобы ее прокормить!» - «И одеть! – в тон ему добавил Гройсман. - А то многие пользуются женской слабостью. Тебе по квитанции полагается взять пятьдесят шесть рублей – бери. А что сверху дали – скажи спасибо. Будешь цену назначать – без клиентов останешься!»

Гройсман велел жене пошить летнее платье в том же ателье у закройщицы Гарамовой. Закройщицей Гарамова была неплохой, но не умела ни фасон выбрать, ни фантазию проявить. А в пошивочном деле без фантазии не пробиться. Так вот работала она на вторых ролях уже десять лет, оставаясь для всех закройщиков Маруськой.

Кто пошьет на незнакомую клиентку? Маруська!

Кто возьмется шить плотный шелк, который тупые бытовские иголки не протыкают? А Маруське дайте!

Михал Борисович и внимания-то на нее не обращал, так пройдет мимо – чуть кивнет и только. На прошлое Первое мая сотрудники ателье собрались посидеть вскладчину. Сидели у Кашки. И живет близко, считай, во дворе, и квартира просторная. Там на гулянке Марусю и осенило. Один в трех комнатах, да первый закройщик, да бездетный вдовец! Марусе, даром что уже тридцать шесть стукнуло, а еще мечталось о семье. Детей, наверное, уже не будет, но муж-то в любом возрасте может пригодиться. А тут квартира окнами на улицу Ле-ни-на! Первомайскую демонстрацию можно из окна смотреть – это вам не баран чихал – трибуна обкомовская прямо напротив ванной!

Сам Михал Борисович был мужчиной невидным: волосы белесые, коротко стриженые, не поймешь – седые или от природы такие бесцветные, глаза маленькие, желтоватые. Нос, правда, сразу бросался в глаза – этакий большой, с запасом выкроенный, словно нос этот готовили для кого-то другого побольше размером. Но не внешность же в конце концов главное!

Как-то Маруся шила на завкадрами Дома Быта. Была завкадрами бабищей в три обхвата, так что приходилось ей шить даже белье. Вот за примеркой лифчиков она и разговорила завкадрами. И разузнала Маруся, что Михал Борисычу только-только сорок шесть лет. Молодой еще мужчина! И как же она восемь лет с Михал Борисычем бок о бок проработала, а счастья своего не распознала? Ну теперь-то она его не упустит!

Маруся Гарамова строила планы захвата, но все, конечно же, как всегда упиралось в финансовый кризис. В этом кризисе закройщица Гарамова пребывала постоянно. Дело в том, что своего жилья Маруся не имела и снимала комнату у старой мадам Гройсман, свекрови нынешней мадам, бабки скверной и прижимистой. Комната, правда, была очень хорошая: большая, солнечная, в два окна, да еще и со своим выходом во двор. Но на оплату ее уходила большая половина Марусиной зарплаты. Остатки денег шли на еду и редкие поездки к родителям. От родителей корзинку яиц привезет, картошку, иногда курицу. А бабка Гройсман чуть не каждый день колбасу хорошую ест и ведь никогда кусочком не угостит! Ей бы, Марусе так питаться – сразу бы в тело вошла, отбоя бы от мужиков не было. А на картошке-то какие телеса вырастишь? Вот и получается, что из метра ткани платье можно выгадать, еще и на рукава остается. Одежду Маруся шила, покупая в своем ателье остатки тканей за копейки, а вот обувь у нее была проблемой номер один. Ну кто заинтересуется женщиной в войлочных сапожках? А никто!

Так вот целый год Маруся и промучилась, пытаясь обратить на себя Кашкино внимание. И так и этак пыталась. На верхнюю полку стеллажа с тканями залезала в короткой юбке – под юбку заглянул, но и только. На полу иголку искала, на коленях ползала – хмыкнул, да и мимо прошел. Подкараулила как-то на лестнице и стала колготки поправлять, а он и говорит: «У тебя, Маруся, на чулке стрелка – зацепи, а то дальше пойдет». Конечно, у него клиентки французскими духами пахнут, колготки у них по семи рублей пара – стрелок не пускают. Да и белье на них хорошее. А у Маруси комбинации с узеньким кружевом, которое после второй стирки расползается на части, да «трико женское белое платированное», а после третьей стирки уже не белое а б/у. Маруся тоже купила себе духи – «Ландыш серебристый», запах за три шага слышно, а он только нос сморщил.

И вот тут подоспела история с пальто.

Гройсман как-то заехал к матери с недельным запасом продуктов. Взгромоздив две неподъемные сумки на кухонный стол, он спросил у Маруси: «Ты хорошо шьешь?»

«Хорошо шьет, плохо шьет, зачем тебе это знать?» - тут же отозвалась вредная бабка Гройсман.

«Халат мамин ты шила?» – спросил Гройсман.

«Ну и что такого ты увидел в халате? – не унималась бабка. - Ты таки думаешь, что она сможет пошить на твою жену тот сиреневый шелк, что она брала на базе? Чехол на самолет ей надо взять и три дырки прорезать, а не сиреневый шелк!»

Но Гройсман отмахнулся от бабки: «Слушай сюда, Маруся, завтра придет в ателье моя жена и отдаст тебе шить платье. Сделаешь хорошо – утрешь нос Кашке, а я тебя отблагодарю!»

Никогда и не мечтавшая о такой клиентке, Маруся Гарамова, как сама потом призналась подругам, «Просто на говно извелась!», пытаясь угодить мадам. Платье получилось. Мадам Гройсман тотчас же заказала еще два, одарив Марусю сиреневой двадцатипятирублевкой за каждое платье. Обалдевшая Маруся, которой никто еще больше пятерки не давал, провожала клиентку до дверей и, задыхаясь от счастья, приговаривала: «Мара Израйлина, если кто из знакомых, так пусть прямо ко мне, скажут от Мары Израйлины – я всегда!»

Кашка, белый от злости, курил на лестнице. Мадам Гройсман протиснулась мимо и приветливо поздоровалась: «Добрый день, Михал Борисович! Погода чудесная, хоть сегодня летнее платье надевай!»

«Кур-ва!» - прошипел ей в спину Кашка.

На следующей неделе две подружки мадам Гройсман заказали у Гарамовой. За лето приобрела Маруся не только хороших клиентов, но и авторитет. А что с фантазией плохо, так не пожалела она денег и купила в гостинице “Интурист” журнал “Бурда”. Платья в этой “Бурде” – зашибись! Все клиентки были довольны. Маруся даже подумывала купить еще одну “Бурду”, вроде как, у меня журналов навалом, но решила подождать зимнего номера.

Гройсман и Кашка, разобидевшись друг на друга, перестали встречаться за преферансом. Оба злились на весь мир почти месяц, но постепенно пришли к мысли, что, как выразился Кашка, «От баб одна морока!» И встречи за картами по пятницам снова стали регулярными. При этом каждый думал, что наказал другого. Гройсман потому, что теперь многие стали заказывать платья у Гарамовой. Кашка потому, что у него перестали заказывать платья, освободив его для более денежной работы – пальто и костюмов. Ну кто же рискнет шить костюм у Маруськи? Или, скажем, пальто... Шутите!

И не видели ни тот ни другой, что победителем-то вышла Маруська Гарамова.

Так вот, значит, в конце августа пришла Маруся на работу в новых чешских босоножках. И платье новое, первый раз надетое, фасон из той самой “Бурды”. Мастерицы хвалили, мол, хорошо получилось, идет тебе. Под платьем тоже все было новое, но кроме Маруси об этом никто еще не знал. Во время перерыва она подстриглась в салоне на первом этаже и укладку сделала с бигуди и лаком. Поднимаясь в ателье, еще и губы накрасила розовым перламутром. Открывая дверь пошивочного цеха, Маруся бросила взгляд в зеркало на стене. Смотрела на нее оттуда вполне симпатичная женщина, не первой, конечно, молодости, но и не старая еще. Волосы русые «налачены» до твердости, губы розовым перламутром блестят, ноги хоть и не первый класс, но из-под шелковой юбки «солнцеклеш» только новые босоножки и можно рассмотреть. Платье сиреневое, совсем такое как у мадам Гройсман, только шелк не с базы, а из магазина тканей на колхозном рынке. Грудь небольшая, но вполне бросается в глаза щедро присобранными мелкими рюшечками. Впервые за тридцать шесть лет показалась себе Маруся Гарамова женщиной чуть ли не «алегантной». Сумку поставила в шкаф, оттуда сверток подхватила с утра дожидавшийся, и к Кашке: «Михал Борисыч, я к вам с просьбой, уж не откажите. Хочу костюм пошить, с жакетом модным. Вы своей клиентке шили – просто глаз не оторвать. Материала в обрез, мне самой не выкроить, а у вас получится. А я в долгу не останусь. Сделайте, Михал Борисыч, вы ж у нас самый лучший!»

Пела Маруся так и умильно в глаза Кашке заглядывала. Пока обмерял ее – едва дышала, а как стал материал раскладывать да кроить – прямо всем телом на него поперла.

«Маруся, - мурлыкал удивленный Кашка, - я же работаю, смотри, не там разрежу!»

«И то правда, - согласилась Маруся. – Не буду вам мешать, Михал Борисыч, после работы закончим!»

С трех часов дня пошли примерки одна за другой и Маруся поднялась в пошивочный только после пяти вечера. Закройщики уже разошлись, только одна из мастериц еще дострачивала подол свадебного наряда. К половине шестого ушла и она, пристроив платье на манекен и накрыв белой простыней. Наряд этот свадебный Маруся томным взглядом оглядела. Кашка послушно ждал, сидя за своим столом и сметывая на живую нитку для первой примерки ее костюм.

“Готово, Маруся!” - наконец сказал он. - Можно примерить».

Маруся встала медленно и со значением. Подошла к столу и, так же медленно нагнувшись и, обдав Кашку запахом лака для волос, собрала руками подол платья и потянула вверх. Кашка только сейчас сообразил, что на Марусе-то платье, а не юбка с блузкой, как на клиентках. Обычно дамы на примерку костюма приходили в юбках с блузками и жакет примеряли на блузку. Пока он это думал, Маруся уже успела утянуть платье далеко вверх и глазам изумленного Кашки предстала ярко голубая комбинация обшитая по подолу кружевами шириной в ладонь. Маруся явно разворачивала все стратегические резервы, так как далее враз вспотевшему Михал Борисовичу показалась грудь в светло-голубом лифчике, а затем из-под сиреневого шелка вынырнуло Маруськино лицо с пылающими щеками. Платье Маруся бросила на стол и, выдернув из рук обалдевшего Михал Борисовича юбку, вступила в нее обеими чешскими босоножками и потянула вверх, причем вслед за юбкой вверх пошла и голубая комбинация. Маруся, однако, комбинацию одернула, – не все сразу – и повернулась к зеркалу. Кашка дрожащими руками кое-как примерил юбку. Надевая на Марусю жакет, он очень старался отвести глаза от голубого лифчика, но глаза не слушались – будто прилипли к шелковым бретелькам. Он помог ей снять жакет. Потом вытаскивал булавки из юбки, а глаза все равно не могли оторваться от застежки, выделявшейся на ярко-шелковой Маруськиной спине.

“Пригласите меня к себе на чай, Михал Борисыч, - предложила Маруся, - или еще на что...”

“Ко-конечно, - выдавил из себя Кашка, - пойдем ко мне, то есть пойдемте!”

По лестнице они шли рядом, а на улице Маруся взяла его под руку, просунув свою ладошку лопаткой под Кашкин локоть и прокопав путь до самых ребер. Зашли в подъезд, поднялись на третий этаж. Кашка долго не мог в темноте попасть в замочную скважину. Наконец, ключ повернулся, и дверь, скрипнув, распахнулась, пропуская Марусю с Кашкой.

Свет они не включали. Маруся похозяйски закрыла дверь на замок, поставила сумку под вешалку и сняла одну об другую босоножки. Квартиру Маруся изучила еще в ту первомайскую гулянку, в спальню тогда же из любопытства заглядывала, поэтому куда идти знала. Ощупью прошла в конец коридора и стала расстилать постель. Разделась в ванной, поплескала водой на подмышки да внизу, полотенцем вытерлась. Отметила про себя, что полотенца застиранные, надо выварить с порошком. Снова влезла в голубую комбинацию и босиком прошлепала в спальню. В кровать улеглась, одеялом закрылась до подбородка и стала ждать. Михал Борисыч гремел чайником – воду, что ли, пил. Потом позвал из кухни: «Марусь, может винца выпьем?» Она не ответила и он, вздохнув, пошел в спальню. Уже вешая брюки на спинку стула, Кашка вдруг спросил: «А у тебя давно кто был?»

«Фу-у, спросил, наконец! – пронеслось в голове Маруси. - А никого у меня не было, Михал Борисыч, - ответила она из-под одеяла, - вы первый будете!»

«Так ты что, замуж хочешь?» - опешил Кашка.

«А чем вам плохо будет? – спросила Маруся. - Я вас на десять лет моложе, везде здоровая, варить люблю, приберусь тут у вас».

Она так боялась что Кашка сейчас откажется, что все ее планы полетят на помойку и что она вот прямо сейчас попрощается с мечтой о трехкомнатной квартире окнами на первомайскую демонстрацию...

«Я даже могу жареную утку в духовке делать. Гостей будем звать...» - у Маруси от волнения голос сорвался.

Кашка еще постоял босиком у окна, почесал в затылке, да и полез в постель. Любовные ласки Маруся перенесла безропотно, даже не вскрикнула. Только было ей очень трудно дышать, потому что на нее еще никто так не наваливался. Но все кончилось быстро. Михал Борисыч повернулся к стенке и засопел, а она еще немного поерзала, потом привалилась спиной к его спине, согрелась и тоже уснула. Во сне Маруся Гарамова улыбалась и снились ей гости в столовой за круглым столом с бархатной скатертью.

Назавтра еще до открытия магазина Кашка зашел в кабинет Гройсмана.

“Мне, Леонид Самойлович, для семейного торжества, уж Вы не откажите” - улыбаясь попросил он, передавая список продуктов. “Женюсь я, устал один жить. И клиентов у меня меньше чем раньше. Так что материально легче будет, жена хорошо зарабатывает!” - усмехаясь рассказывал он.

“Кто ж невеста?” - рассеяно спросил Гройсман.

“А закройщица наша, Мария Федоровна. На десять лет меня моложе, фигурка стройная, молодая еще женщина!” - Кашка улыбался все шире.

“Маруська Гарамова?!” - ахнул Гройсман.

“Гарамова, Мария Федоровна, – подтвердил жених, улыбаясь, как-будто получил наследство тети-миллионерши. - И просим вас с супругой к нам в субботу вечером, так сказать, отметить”.

Никто в магазине не мог понять, почему Гройсман весь день шпынял продавщиц и разорался на грузчиков, распивавших в перерыве свою обычную поллитру.

Кашка за два дня сварганил для Маруси свадебное платье по французскому журналу. Но до субботы невеста так поправилась на дефицитных продуктах, что в платье влезла с трудом. Через положенное время отмечали рождение маленького Гриши, а еще через полтора года – Ани.

За пять лет семейной жизни Маруся раздобрела, стала размером чуть не с мадам Гройсман. А сама мадам Гройсман, очередной раз заказывая у Маруси летние платья, пригласила ее к себе домой и подарила целый чемодан почти новых вещей, в которые сама уже не влезала. Так у Маруси Гарамовой и появилось очень стильное черное пальто “от мадам Гройсман”.

А Гройсман и Кашка теперь вместе ходят по пятницам в сауну и, выпив порядочно пива, за преферансом рассказывают смешные байки про своих жен, которые у них «женщины крупные, просто удовольствие смотреть».

Противоядие

Субботним июньским вечером, когда черные какаду промчатся, разрывая воздух ядовитыми криками, над выложенными румяной черепицей крышами, суета в Ланцестоне стихает: магазины закрывают двери и ставни, чулочная и табачная фабрика останавливаются до рассвета, и колокольня скрывается за подушкой тумана. В сумраке стихают карминно-лимонные аккорды зимней листвы, вспыхнув напоследок, гаснет в небе полотно заката, замолкают, укладываясь в пуховые постели, чайки и дети. Только в одном доме на Сисайд авеню кипит веселье, выплескивая на мощеную булыжником улицу перебравших пьянчужек.

Если открыть высокую дубовую дверь, можно услышать раскаты хохота, сопровождающие решительный жест немолодого человека в лёгком, по погоде, костюме, уже следующего к выходу из паба. Его слова: «А я докажу, что это простое фокусничанье и вещь совершенно ненужная», еще звенят под тяжелыми брусьями потолка, в оркестровке литавр общего смеха. Человека зовут мистер Джекоб Маккраб, он упрям как ирландец, каким в самом деле и является. Он живёт в маленьком коттедже на окраине города, фактически – в пригороде, с одним только мальчишкой-слугой. Родители его давно умерли, не дождавшись, когда сын разбогатеет и вернётся позаботиться о них, а своей семьёй он не обзавёлся и уже не обзаведётся. К своим тридцати шести годам мистер Маккраб на практике освоил профессию инженера медного рудника, и трудится там с утра до ночи, шестидневную рабочую неделю, выбираясь помимо работы только в паб субботним вечером, перемолвиться парой сдержанных фраз с городскими. Сегодня, впрочем, сдержанность покинула его, к радости остальных завсегдатаев паба, от Толстого Боба, хозяина заведения и по совместительству – бармена, до сержанта городской полиции Ваттса, ни за что не упустящих случая развлечься. В осколках хохота, тянущегося за ним из паба, мистер Маккраб вышел в наступившую за пару минут, которые мы провели с ним внутри, кромешную темноту, в этом городе, удалённом от читателя на добрые десять тысяч миль и полторы сотни лет, и пропал бы навсегда, если б не искра его трубки, указывающая нам путь к гостинице «Бык и плуг» на западе города, где он встретился с одним из постояльцев, а затем, под быстрыми кожаными арками крыльев летучих лисиц, к его собственному коттеджу.

Существо беседы мистера Маккраба с постояльцем, доктором Джеймсом Широм, осталось неизвестно. Допрошенный на следующий день коридорный клялся, шмыгая носом, что сквозь запертую дверь мог различить только отдельные слова – «совершенно бесполезная вещь», «пусть цапнет», «не могу вам позволить», «я докажу», «мне нечего бояться», «двадцать фунтов», «сто двадцать», «если только маленькая».

Уже заполночь добравшись до дома, мистер Маккраб выбивает пепел из трубки в остывающий на ночь камин, мешая золу с золой, и теперь только огонь его воли освещает предлежащую ему короткую тропу в забвение. Уже назавтра его бессмертная душа покинет этот мир, давно стёршийся из настоящего времени в неверные смутные отпечатки.

Пока наш герой спит как человек, принявший решение и не беспокоящийся о последствиях, вернёмся обратно в паб, где за три года до того происходили события, взбудоражившие весь город и вызвавшие нынешние разговоры и действия. В тот день горожане толпились снаружи заведения Толстого Боба, не торопясь припасть к обычному своему нектару, но пересмеиваясь у дверей, слева от которых был прибит листок, убеждающий приобретать чудодейственное средство доктора Андервуда от ядовитых гадов и прочих рептилий, с кратким изложением чудесного избавления доктора, в те дни – простого охотника за кроликами, от смертельного укуса, а справа – афиша доктора Шира, обладателя уникальной и единственной в мире формулы, способной вернуть на этот свет даже укушенного тигровой змеёй. С приближением вечера электричество, ещё не проведённое по улицам города, находило выход в человеках: то тут, то там в толпе вспыхивали искры потасовок, способных объединить площадь в короткое замыкание общего побоища – половина жителей были сторонниками доктора Андервуда, уже опробовав на себе чудодейственную мощь его средства, другие – доктора Шира, спасшись от неминуемой гибели с помощью его патентованной панацеи.

Надо сказать, что змеи в те отдалённые времена были почти такими же частыми гостями на улицах этого практически столичного города, как нынче – автомобили, а уж о злых нравах и отвратительном характере тасманийских пресмыкающихся известно и по сей день. Особый ужас внушала тигровая змея, вонзающая зубы как тонкие подкожные иголки в тело жертвы и способная прикончить человека полуграммом яда. Страшным казалось разнообразие их внешнего вида – тигровые змеи могли быть черными, желтыми, оранжевыми, оливковыми, длиной от полуметра до двух метров, но всегда чрезвычайно раздраженными и смертельно опасными. Так что неудивительно, что бизнес доктора Андервуда, как и дело молодого доктора Шира, процветали. К тому же, оба джентльмена самостоятельно и эффективно рекламировали свои чудодейственные средства, вкладывая в дело если не душу, то хрупкое тело. Справедливости ради надо отметить, что доктор Андервуд первым начал практиковать страшный метод привлечения покупателей, действуя с убедительностью героев Шекспира: при стечении народа, обыкновенно – в пабе гостиницы или на рынке, он доставал змею из внутреннего кармана пиджака, раззадоривал её наглыми щелчками едва ли не по морде рептилии, пока она не кидалась и не кусала его. Зрители ахали и расступались, а доктор Андервуд, быстрым движением запихнув змею в мешок, принимался корчиться, стонать и покрываться пятнами, но наконец трясущейся рукой доставал из того же мешка склянку с чудотворным эликсиром и последним рывком вливал в рот. Минута проходила в гробовом молчании: зрители окружали недвижное тело, с трепетом дожидаясь момента, когда по лицу целителя пробежит дрожь, бледная рука, так и удерживающая склянку, вскинется, и доктор Андервуд вскочит на ноги, улыбаясь и раскланиваясь с публикой как ни в чём ни бывало. Зрители бросались покупать снадобье, подшучивая над змеей, сонно свернувшейся в мешке в обнимку с бутылочками с препаратом.

Удивительно, но несмотря на то, что представление доктора Джеймса Шира мало от того отличалось, пациенты делали выбор между целителями: тот, кто доверял жизнь эликсиру доктора Андервуда, ни во что не ставил средство доктора Шира, а те, кто держал в буфете микстуру доктора Шира, под страхом смерти не отведал бы снадобья доктора Андервуда. Оба лагеря сыпали живыми примерами, когда глоток чудодейственного лекарства буквально из могилы поднял их мужа, бабушку, сына, и кляли дребедень соперничающего доктора, которой только овцам глисты выводить, дай им бог здоровья. Сами целители, по слухам, еще пару лет назад делившие барак в исправительной фабрике на юге острова, подливали масла в огонь, не упуская случая обвинить соперника в шарлатанстве, мошенничестве и воровстве знаменитой формулы одновременно. Они колесили по острову, стараясь, чтобы расписание их гастролей не пересекалось, но вот, благодаря случайности и невезению, оказались в одном городе в один день. Взрыва было не избежать.

Стало известно, что соперники согласились встретиться на честной дуэли, оружием в которой будут их холоднокровные питомцы, с единственным условием, выдвинутым доктором Андервудом, требующим применять в бою самых ядовитых змей, вплоть до тигровых. Доктор Шир немедленно согласился с требованием, и, чтобы раз и навсегда выяснить, кто из лекарей в самом деле обладает секретной формулой, дуэль была назначена – на тот же вечер, в присутствии всех любопытствующих.

К назначенному времени зал был полон. Еще до появления докторов зрители разбились на два лагеря, через проход посреди бара настороженно поглядывая друг на друга. Толстый Боб не успевал разливать пиво, выпиваемое в молчании сотней глоток. Миссис Браун разносила тарелки с картошкой. Мисс Шарлотт поскользнулась и растянулась на скользком полу, оголив толстые лодыжки, но и это не отвлекло зрителей от напряженного ожидания. Каждый лагерь не доверял другому, но все обвинения, высказанные снаружи – кто вырывает змеям ядовитые клыки, кто смачивает их молоком, чтобы яд не проникал в кровь, – были оставлены, когда настало время поединка.

Первым на импровизированной сцене, отделённой от зрителей барьером из полотнищ старых бочек, появился молодой доктор Шир – те, кто ни разу не видели его, вздрогнули, встретившись взглядом с худым, долговязым человеком в черном, похожим на одетый в пальто скелет или на мрачное огородное чучело с подрисованными тушью глазами на белой тарелке лица. Доктор Шир поклонился зрителям и приподнял шляпу, откуда вывалился клубок небольших чёрных змей. Лагерь его сторонников взорвался аплодисментами, заглушенными только криками со стороны сторонников доктора Андервуда, встречающих своего кумира, упитанного человека средних лет с добрыми глазами семейного врача. Доктор Андервуд с видимым презрением отодвинул тростью рептилий и снял пиджак, а затем, к смущению мисс Шарлотт, расстегнул рубашку, откуда вынырнула голова громадной тигровой змеи, за пятнадцать минут убивающей человека. «Она согрелась у меня на груди и готова к встрече с вами», – с улыбкой объявил доктор Андервуд. Доктор Шир не остался в долгу, принявшись выуживать разнообразных змей из карманов своего плаща, а их, как оказалось, было множество – изнутри, снаружи, за воротником, за подкладкой. Змеи ползали по сцене – тигровые, от которых схватывает дыхание и сражает удар, почти двухметровые ковровые, упрямые медноголовые, все самые опасные чудовища, которых можно встретить на земле Тасмании. Кто принёс больше змей, чьи были более ядовитыми – решить казалось невозможно. Дуэль, похоже, подходила к ничьей. Но это было только начало.

Доктор Андервуд достал из бумажника пятифунтовую банкноту, крошечная белогубая змея выскользнула между его пальцев и быстро присоединилась к своим соплеменницам, и потряс деньгами в воздухе: «Этот человек, что позорит звание лекаря, украл у меня рецепт эликсира, но не сумел воспроизвести правильную формулу. За свои чудовищные преступления обманщик должен быть снова закован в цепи, чтоб он встретил конец дней своих в карцере. Пока наше правосудие, – он выразительно взглянул в сторону быстро краснеющего сержанта Ваттса, – дремлет, я вызываю мошенника на спор: пусть он выложит сюда пять фунтов и попробует найти противоядие от моей красавицы. Только пусть выложит их сейчас, потому что когда моя девочка укусит, времени у него уже не будет». Говоря это, доктор Андервуд осторожно достал из мешка крупную и уже разозлённую тигровую змею.

Татьяна Бонч-Осмоловская

Родилась в Симферополе. Закончила МФТИ и французский университетский колледж. Кандидат филологических наук, автор учебного курса комбинаторной литературы (гуманитарный факультет МФТИ). Публиковала прозу, стихи, визуальную поэзию, статьи, переводы французской литературы. Организатор австралийского фестиваля русской литературы «Антиподы» и основатель одноимённой ассоциации.

Оба лагеря загудели, требуя, чтобы доктор Шир принял пари. Но тот вместо банкноты достал еще более крупную бриллиантовоголовую змею и помахал ею перед носом доктора Андервуда. «А что ты, мышьякопийца, скажешь о моей подружке? Небось, сдрейфишь подойти поближе?». При виде змеи соперника доктор Андервуд утратил джентльменский лоск и превратился в каторжника, которым он был не так давно: «Моя укусит первой, конец тебе, проходимец!» - «В твоей микстуре ничего, кроме йода и нашатыря! Моя дама тебя прикончит!» – «Жулик! Свинья!» – «Трус! Лжец и мерзавец!» – «Таракан паршивый!». Они кричали друг на друга, едва слышные в гомоне толпы, как вдруг доктор Шир взмахнул змеёй как кнутом и набросил её на шею доктора Андервуда. В тот же миг доктор Андервуд копьём швырнул свою змею в лицо противнику. Зал замер. Удары были так внезапны, что ни одна из змей на успела ужалить и, свалившись на пол, уползла от дуэлянтов. Тут уже взорвались зрители, и в зале началась такая драка, что рептилии не рисковали вмешиваться. Спортивное преимущество было на стороне доктора Андервуда: он мутузил доктора Шира хорошо поставленными боксерскими ударами, пока тот, едва уходящий от хуков и размахивающий кулаками как мельница, не перевалился через барьер в толпу, где его, вместе с прыгнувшим за ним следом доктором Андервудом, захватила вакханалия общей битвы. В партере, однако, ход дискуссии переломился – сторонники доктора Шира сумели привести более убедительные аргументы и вскоре выкатились на улицу, торжествуя полную и сокрушительную победу: отныне эликсир молодого доктора Шира был провозглашен единственным стоящим.

Пока мужчины большинством голосов выясняли победителя в споре, миссис Браун, вздохнув, дала знак Шарлотте, и обе дамы, вооружившись вениками, смели змей в мешки и выбросили на помойку.

Посрамлённый доктор Андервуд удалился от дел. А доктор Шир продолжал колесить по острову, обласканный уважением горожан, неспособных отличить ужа от кобры, и уже задумывался о распространении своего бизнеса на континент, когда и произошли события, с которых начинается наше повествование.

Холодным воскресным утром, вскоре после того, как колокол, вспугнув стаю радужных лорикитов, перечеркнувших небесную простыню штрихами изумрудных крыльев, пробил окончание службы, мистер Маккраб уверенным шагом прошествовал сквозь собравшуюся у дверей паба толпу на второй этаж, в номер отеля, где уже ожидали сержант Ваттс и несчастный, переминающийся с ноги на ногу доктор Шир. «Добрдень, сэр», – вытянулся Ваттс. Несмотря на то, что накануне он был среди самых ярых насмешников, по долгу службы и по просьбе мистера Маккраба он прибыл засвидетельствовать ход эксперимента и лично проследил за выполнением желания мастера Маккраба оградить его от посторонних, чтобы никто не помешал им осуществить задуманное. Вчера, наравне со всеми жителями города, на сто процентов убеждённый в действенности эликсира, сейчас сержант почему-то чувствовал себя неуверенно, пот, несмотря прохладу зимнего утра, тёк по его багровому лбу, а поросшие рыжим волосом руки то и дело заправляли под ремень выцветшую форменную рубашку. Впрочем, его волнение не шло ни в какое сравнение с тем, что испытывал доктор Шир, уже не бледный, как в день знаменитой дуэли, но прозрачно-синий, словно покойник: «Дорогой мистер Маккраб, – бросился он навстречу вошедшему, – скажите, что вы передумали. Умоляю вас, не подвергайте себя опасности, даже маленькие тигровые змеи смертельно ядовиты». – «Да что вы говорите! – усмехнулся мистер Маккраб. – И конечно, именно поэтому вы не дадите ей меня цапнуть. Вовсе не потому, что у ваших змей нет зубов, и яд выдохся, если не был обезврежен до того». – «Тигровую змею невозможно нейтрализовать, мистер Маккраб», – выпрямился доктор, обиженный за питомцев. «Тогда приступайте», – мистер Маккраб закатал рукав. «Ну, что же вы, – подстегнул сержант, – делайте ваше дело». Несчастный доктор достал из саквояжа змею и приложил её к руке мистера Маккраба. «О нет, стойте! – он отдернул рептилию, едва поворачивающую сонную голову. – Подождите, я должен померить ваше давление и температуру». – «Делайте, что считаете нужным, доктор», – в тоне мистера Маккраба слышалась издёвка. «Вы видите, – сказал через несколько минут доктор Шир, – у вас повышенная температура, давайте перенесём наш опыт на другой день». – «Чтобы дать вам возможность сегодня же удрать из города? – сощурился мистер Маккраб. – Приступайте», - и он снова протянул доктору руку. «Может...» – промямлил сержант Ватт. «Что может? Вы заодно с этим шарлатаном? Я подозревал, что он не может в одиночку обирать людей, полиция его прикрывает!» – «Да вы!.. Да вы у меня заплатите за оскорбление сотрудника полиции! Вы у меня сейчас отправитесь прямо в участок!» – тревога сержанта выплеснулась в волне гнева. «Только вместе с этим проходимцем. Посадите нас в одну камеру, когда всё закончится», – невозмутимо приказал мистер Маккраб. Доктор Шир обречённо поднёс змею к его руке. Согревшаяся гадина не стала дожидаться уговоров и вцепилась в тело. «Вот видите», – коротко рассмеялся мистер Маккраб и повалился на крашенный бордовой краской пол. «Виски!» – прошептал он, пытаясь дотянуться до кармана. Сержант Ваттс бросился за флягой, и мистер Маккраб в три сильных глотка опустошил её больше чем наполовину. «Эликсир», – совершенно белыми губами прошептал доктор Шир, протягивая свою склянку. «Убирайтесь! – умирающий отшвырнул лекарство. – Это всё лишнее». Полицейский, сам не зная, что делает, задул в свисток, и в комнату ворвалась толпа болельщиков во главе с хозяином отеля. Все кричали и предлагали свою помощь, взбудоражив даже кукаббар за окном, отозвавшихся на крики людей издевательским хохотом, как нельзя больше подходившим чудовищному эксперименту. Бедного мистера Маккраба, всё так же отказывающегося от средства доктора Шира, уложили на повозку и по каменистой дороге повезли в госпиталь, по несчастью оказавшийся закрытым в этот праздничный день. Доктор Шир, вмиг ставший никому не интересным, бежал за трясущейся по булыжникам повозкой всю дорогу до коттеджа мистера Маккраба и, пугая несчастного, уже впавшего в бредовое состояние, бился о дверь, запертую друзьями больного, продолжая предлагать своё патентованное средство. «Лишнее, всё это лишнее, – только и повторял мистер Маккраб. Затем почему-то произнёс, – наконец-то, мама, да», и замолчал, вытянувшись в кровати. Он не приходил в себя до утра и на рассвете новой рабочей недели, которая пройдёт уже без него, скончался.

Доктора Шира арестовали было за убийство, но по показаниям очевидцев, в первую очередь – сержанта Ваттса, засвидетельствовавшего под присягой нежелание доктора осуществлять эксперимент мистера Маккраба, признали невиновным. Заговорили даже было о том, чтобы считать погибшего самоубийцей, но отец Грей отрезвил паству, прогрохотав с кафедры, что только потому, что несчастный умер как идиот, он не разрешит тревожить его прах, и волнения утихли, как утихла шумиха вокруг змеиного эликсира, ставшего бесполезным в глазах уже всех жителей острова. Отчаявшись продать хоть флакон, доктор Шир пропал с глаз газетчиков и любопытных, как пропали в тумане давно прошедшего все герои нашей истории. Только змеи не знали о разразившейся человеческой драме и, пока бетонный шаг цивилизации не прогнал их с улиц основных австралийских городов, продолжали жалить как жалили.

Родной запах

Всё было так, как обещала реклама агентства по организации каникул и отпусков в Израиле. Меня встретили в аэропорту, подвезли к многоэтажке в одном из районов Иерусалима, подняли на восьмой этаж, завели в однокомнатную квартиру, пожелали спокойной ночи и приятного отдыха и – удалились. После продолжительного перелёта из Сиднея я тут же заснул, едва голова коснулась подушки...

Разбудил меня запах. Пахло чем-то вкусным, чем-то очень знакомым. Чем?..

Я встал с постели, шумно принюхался и пошёл на запах, который привёл меня, как и следовало ожидать, на кухню… Но там – чистенько: никого и ничего... Да и «никто в пути кормить не обещал!» – пришла на ум концовка анекдота брежневских времён... А запах всё усиливался... Через неприкрытую стеклянную дверь я вышел из кухни на балкон. Дальше мой нос заставил меня свеситься с перил. Я заметил дымок, струящийся из точно такого же балкона, как мой, тремя этажами ниже. Дымок таял, не достигнув и половины расстояния между балконами, но запах был гораздо сильнее дымка. Он проникал и проникал внутрь меня и, наконец, вплотную столкнулся с моей памятью... Ну, конечно, конечно же, это запах моего далёкого детства! Внизу пекут пирожки с творогом! Захотелось стремительно сбежать вниз: там моя бабушка переворачивает на раскалённой плите начавшие подгорать пирожки и коврижки...

Яков Смагаринский

Родился в Гадяче Полтавской области. Закончил Душанбинский сельхозинститут и Сиднейский технологический университет. Специальность – инженер конструктор по нестандартному оборудованию. Конструирует короткие рассказы. Некоторые из них опубликованы в российских и австралийских журналах. Призёр и лауреат нескольких литконкурсов.

Я заметался по балкону, задел головой верёвку, пнул нечаянно бельевую корзину. Как хочется пирожков с творогом! Нестерпимо! Что делать?! Так, так... Я снял верёвку с крючков, привязал к корзине и стал медленно опускать её вниз двумя руками, как ведро в колодец. Корзина зависла, покачиваясь и ударяясь о перила балкона, из которого струился дымок. Оттуда выглянула женская голова в короткой косынке, удивлёнными глазами заскользила вверх вдоль верёвки, упёрлась в мой раскрытый рот, улыбнулась улыбкой моей бабушки и исчезла...

Через три минуты в моей корзине лежала тарелка полная пирожков...

Мой отпуск в Иерусалиме начинался с праздника.

Внуков зуб

Полгода назад у моего внука выпал молочный зуб. Выпал на траву недалеко от калитки. Внук порылся в траве и, не найдя потери, захлюпал носом.

– Зачем он тебе нужен? – поинтересовался я.

– Мне баба книжку даст!

– Ааа..., – вспомнил я, что сватья коллекционирует выпавшие молочные зубы всех своих внуков то ли для истории семьи, то ли для научно-исследовательской работы. За каждый зуб она дарит книжку с красочными твёрдыми страницами.

Мы долго шарили возле калитки, но ничего не нашли.

– Ладно, – успокоил я его, – тебе бабушка и так подарит книжку, а зуб твой вырастет и принесёт много новых зубиков.

Рядом с тем местом, где мы пытались отыскать зуб, неожиданно пророс стебелёк с двумя листочками.

– Смотри, – сказал я внуку, – твой зуб дал росток!

– А где у него зубки?

– Ещё не прорезались. Подожди немного.

Каждое утро перед выходом из дома я, обычно, набираю в рот напёрсток листерина – крепкой жидкости по уходу за зубами. Ею рекомендуют полоскать рот не более полминуты. За это время я успеваю пройти весь двор. Листерин пахнет русской селитрой, у меня от него такая сильная слюна, что к моменту достижения калитки мой рот раздувается, как пузырь гигантской жабы и я выстреливаю в землю широким мокрым залпом.

Зачем же пропадать добру? Не отклоняясь от своего утреннего маршрута, я стал опрыскивать появившийся побег. И тот рос не по неделям, а по дням!

Через полтора месяца растение уже было выше внука. Оно удивительно напоминало подсолнечник. Боже мой, что делает с людьми генетически модифицированная еда! Всего каких-то двадцать лет назад у моего сына росли настоящие зубы, а сейчас у внука уже вместо зубов вырастают подсолнечные семечки!

Ещё через полтора месяца подсолнечник вымахал выше меня. Зацвёл. Его огненная шляпа по диаметру превосходила самую большую пиццу в городе. Когда все ярко-оранжевые лепестки опали, я забеспокоился, что птицы склюют семянки раньше, чем те окончательно поспеют. К моему удивлению, птицы только низко кружились над растением, но никогда на него не садились.

Наконец, в одно из воскресений, когда внук опять был у меня, я приподнял и посадил его себе на голову: иначе посмотреть на подсолнечную шляпу сверху было невозможно.

– Что ты видишь? – спросил я его.

– Зелёные и жёлтые прыщики.

– Потри хорошенько прыщики. Так. Так. Теперь сильно подуй. Так. Ещё раз! Что ты видишь теперь?

– Белые-белые зубки!

– Потрогай ногтем твёрдые они или мягкие?

– Твёрдые-претвёрдые!

– Всё, – сказал я, опуская внука на жёлтую траву. Зубки поспели, сейчас мы срежем головку.

Я пошёл за ножом.

– Не надо резать, – захныкал внук.

– А как бабушка увидит твои зубки?

– Ты посадишь её на голову!

Предложение было интересным. Но я отказался:

– Если мы сейчас их не снимем, они пропадут!

Я срезал головку, стёр и сдул остатки «прыщиков». Плотные круглые ряды совершенно человеческих зубов блестели на солнце. В середине – резцы, подальше от центра – клыки, затем – предкоренные и на периферии – коренные. Все один в один, беленькие, чистенькие, мечта любой кинозвезды!

Внук заторопился домой. Ему не терпелось вручить бабушке свой урожай.

Когда я через некоторое время пришёл к нему в гости, он похвастал:

– Смотри, деда, что у меня есть!

В его комнате стоял большой новый шкаф, а в нём целая библиотека книжек с красочными твёрдыми страницами.

Алексей Лис и Наташа Маршева

Алексей Лис родился в Ставрополе, с 2006 года живёт в Австралии (Мельбурн). Лауреат Городского конкурса молодых поэтов Ставрополя, создатель и руководитель нескольких творческих организаций.

Наташа Маршева – родилась, выросла и училась в Москве. В 1993 году переехала в Австралию. Руководитель Клуба «Богемская Рапсодия» (Мельбурн), более 10 лет проводящего различные культурные мероприятия.

Наташа и Алексей познакомились на сайте «Стихи.ру», и через два года творческий союз перерос в семейный.

Лис:

Однажды летним утром
проснётся небо в сердце,
Глаза откроешь – небо,
глаза закроешь – небо...

Потянешься и скажешь...
а с губ вспорхнет улыбка,
Закружит, в танце ветра
к кому-то улетит...

И он вот также утром,
не зная, что случилось,
Не поняв, что коснулась его
во сне она...

Проснётся с небом в сердце...
И снегу удивляясь...
(что за окном)
“Здесь лето...” –
шепнёт в портрет окна...

Таша:

“...пишу на листе случайность,
и ветер уносит лист мой...”
И полной луной – единство слияния
тайных истин,
И кажется – жизнь другая,
как платье из кружев детства,
Врывается небесами
и требует совершенства...
И свет золотой, как город, –
водой сквозь меня, дыханьем,
Бежит, достигая чёрных
и дальних углов сознанья.
Скажи – это ты Вселенной ответил:
“жизнь совершенна”
И землю хватал губами?
Скажи, есть ли смысл мгновенья?..
И как в океане жизни найти
тот кристаллик соли,
Что солнцем мальчишка выжег
на сердце моей ладони?..
Сливается цвет у вишни
и рыжей рябины кисти...
И нет расстояний –
есть лишь свобода, свобода мысли...

Лис:

Свет уставший, свет уснувший
укрывает темнота...
Только звёзды светят в души,
беспокойные – в уста...

Снится в море ветер грудью...
Неподвластный снам мой Бог
бродит по теченьям судеб
между берегами строк...

Таша:

Южные сны

между мирами и временами
я путешествую сказками-снами...
Снятся молитвы, крепости инков,
розовый парус в танце фламинго;
тени деревьев в лунном пейзаже...
Мне черепахи снятся и даже –
мятное озеро в сердце вулкана
там, где для озера чуточку рано;
реки зелёные: над берегами
души у бабочек пахнут цветами –
крыльями будят людей и рассветы,
крыльями, вытканными из вельвета;
снятся шанжаном луга за каньоном,
белые ветви сахарных клёнов,
красные крабы, синие птицы...
что-то сегодня, право, не спится...

Шанжа́н - ткань, имеющая свойство переливаться разными цветами.

Наталья Крофтс

Родилась в Херсоне, окончила МГУ им. Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия), по образованию филолог-классик. Поэт, переводчик, автор книг «На маскараде душ» и «Осколки», автор журнальных публикаций («Юность, «Слово/Word», «Австралийская мозаика» и др). Живёт в Сиднее.

* * *

Тоска, тяжка твоя рука.
И кажется – живёшь века,
Когда глядишь, как облака
Стекают каплями с виска.

* * *

Ю.В.

Поцелуи капель
Стерев со щёк,
Он пошел в тот край,
Что, как сон, далёк,
Где ручьи молчат,
И молчит трава,
Где едва звучат
Возле губ слова.
Он побрёл в тиши,
В темноте пустынь,
Он забыть решил,
Что такое синь,
Что такое грусть,
Что такое боль,
Какова на вкус
На ресницах соль,
Что такое смех,
Что такое друг,
Что такое грех
На губах подруг.
Небытья покой
Был в дороге с ним.
Он шагал, тоской
Позабыт. Гоним
Пустотой глазниц
Той, что слева шла,
Да бездушьем лиц,
Небытьём тепла...
А в другом миру
Загрустили вдруг
Поцелуи капель
И мокрый луг.

* * *

Это мерзкое, серое время.
О невзгоды мы души протрём...
Что мы делаем, чувствуем? Дремлем.
Вот подремлем чуть-чуть – и умрём.

* * *

Разбиваются – опять – на куски
Все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
И болтает – на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли –
Может, склею – зажимаю в кулак.
И мечты теперь – в дорожной пыли...
И не там я – и не с тем – и не так...

И, как вишенка, на рваных краях –
На кусочках – тёмно-красным блестит
Капля крови – от мечты острия,
От осколка, что сжимаю в горсти.

Арабеска

На беду, на беду – не иначе –
Завилась, как змеёныш, стезя...
Я лицо под покровами прячу –
Мне любить чужеземцев нельзя.

Твой скакун набирается силы,
Скарб уложен, рубахи чисты...
Мой единственный, суженый, милый,
Я узнала тебя. Это – Ты.

По тропе, по дорожным каменьям
Я иду меж утёсов и скал.
Вопреки всем небесным знаменьям
Ты меня в темноте отыскал.

Вопреки всем небесным устоям
Ты чадру отведёшь от лица...
Мы заплатим – слезами и стоном –
За любовь. За начало конца.

На беду, на беду – не иначе...
Ты уходишь. Приходит беда.
Под чадрою я черною плачу.
Я теряю тебя. Навсегда.

ТАТЬЯНА ЛЕУХИНА

Родилась в деревне Хухарево Ивановской области. Закончила Горьковский институт иностранных языков. Её проза и стихи публиковались во всероссийских и областных изданиях. Лауреат Астраханского областного конкурса «С Тредиаковским – в XXI век»(2006 г.). Победитель художественно – публицистического конкурса «Правда жизни» Российского общества современных авторов (2007г.). Живет и работает в г. Знаменске.

ПРОСТИТЕ

Простите, предки, каждого из нас,
Простите, хоть и нет тому прошенья,
Что фитилёк у образа угас,
Оставленный сынам во сбереженье.

Простите нас, что жили второпях,
Что всё неслись куда-то без оглядки,
За Библию, что спрятали в сенях,
За дедовы рассохшиеся кадки,

За прялку, что на свалку отвезли,
И за погост, забытый у деревни,
Где ивы над могилами росли,
И прочие скорбящие деревья.

О, будь он трижды проклят, этот век,
С которым сладить даже не пытались,
В котором заблудился человек...
Вот за спиной руины и остались.

Простите, дети, что не сберегли
Того, что быть должно святее веры –
Не ведали, на что вас обрекли,
А всё во имя чуждой нам химеры...
Простите нас...

ИЗЛЕЧИ МЕНЯ, ЗВОН КОЛОКОЛЬНЫЙ

Утро раннее. Солнце застряло
В облаках, что плывут еле-еле.
Как, я помню, оно нам сияло
В день пасхальный на прошлой
неделе!
А сегодня такое ненастье...
Хмарь тревожит, и гложет, и душит,
И предчувствие бед и несчастья
Затерзало уставшую душу.
Излечи меня, звон колокольный,
От унынья, тоски и печали,
Унеси в край прекрасный и вольный,
Где мы поутру солнце встречали,
Где безоблачны были рассветы,
Где дороги казались прямыми,
Где на всё находились ответы,
Где мы были совсем молодыми.

ПО КРУГУ

В душе моей заладили дожди...
Как мучит и терзает непогода!
Ты, осень жизни, сжалься, подожди,
Отсрочку дай хотя бы на полгода.

Не стану спать, и каждый новый миг
Потрачу на разгульное веселье,
Чтобы в сознанье шалый дух проник,
Вертя меня на детской карусели.

Пускай по кругу, пусть до тех лишь пор,
Пока наш Карусельщик правит балом –
Зато ни в пробку, ни в иной затор
Не попаду на конике усталом.

Пускай иллюзия, что я скачу верхом,
Пусть грива деревянная не вьётся,
Не обжигает щёки ветерком...
Но сердце отчего так сильно бьётся,

Как будто мчит мой конь во весь опор
По лугу, по нескошенному лугу?..
И чтоб он мчал, не надо острых шпор.
Как жаль, что я опять несусь по кругу!..

г. Знаменск. Астраханская область. Творческому клубу «Родник» в этом году исполнилось 10 лет. Сегодня мы говорим о том, что в условиях военного городка наш клуб стал отдушиной для творческих людей, причем, речь идет не только о поэтах и прозаиках, но и о музыкантах, художниках. С неподдельным интересом читаем «ПИ1» и «Интеллигент», с радостью отмечая, культурное наследие сохраняется и преумножаются. Для нас «ПИ1» и газеты «Интеллигент», стали не только «окном в Европу», но и добрыми друзьями, которыми мы, бесспорно гордимся!

МОЙ ПЕРВЫЙ ЗВЕЗДОПАД

Был тихий август на Земле.
Уже не лето,
Но и не осень, по всему, -
не те приметы.
Мой первый в жизни звездопад.
Ночлег вне дома.
Тюфяк рогожный подо мной
набит соломой.
Мы возле леса у реки разбили лагерь.
Хоть ночь давно, никто не спит.
Жаль, нет бумаги,
Куда бы можно записать свои желанья,
Чтоб те вернулись через жизнь
в воспоминаньях,
Когда ко мне придёт пора
считать потери
И убеждаться в сотый раз,
что глупо верить
В то, что звезда,
срываясь вниз, несёт удачу.
Вот снова август. Звездопад.
Стою и плачу...
Не превозмочь,
не одолеть надежд крушенье.
А где-то там, над головой,
лишь звёзд круженье.
Вновь не алмазами к Земле,
а звёздной пылью
Летят пророчества,
суля стать сладкой былью.
Ах, августовский звездопад –
волшебник ночи!..
Кому он счастье на сей раз
опять пророчит?
И кто обманываться рад и верить чуду?..
Свой самый первый звездопад
я не забуду...

Ольга Семашкевич

СИАМСКАЯ КОШКА

Я – сиамская кошка, я ласкаюсь, играя.
Я – чертенок немножко,
я – немножко святая.

Я нежна, как ребенок.
Я коварна, спесива,
Я резва, как котенок.
Я ужасно красива.

Как изящна походка,
и глаза, как сапфиры!
Я царица кокоток,
не хватает порфиры.

Берегитесь, я знаю –
вы слабы предо мною.
Вами чуть поиграю,
душу вам успокою.

Утомившись игрою,
вас отброшу, наскуча,
Мышью, жертвой простою –
не съедая, но муча!

Я царапаю больно, я пощады не знаю.
Кровью, тешась невольно,
черной злостью вскипаю!

Я ревнивою женщиной раню, лаская,
Сердцем жертвы доверчивой,
как игрушкой играя...

Но хозяйского окрика сразу пугаюсь.
И смиренною киской у ног извиваюсь.

Марина Болдырева

МОЙ ВЕЧЕР

Пьяный вечер рукой дрожащей
Гладил плечи солнца закатного
И на крыше с фантиком мятым
Танцевал нестареющий вальс
На бордюре присев некрашеном
Про любовь он горланил песенки
И в рубашке из листьев кленовых
Дирижировал хором цикад...
А потом, вконец обессиленный,
Приклонил свою буйную голову
На колени ласковой ночи...
Добрый вечер, Город!

Алевтина Захарина

СТАРОМУ УЧИТЕЛЮ

Словно ветра порыв,
налетает усталость.
Вы идёте по скверу
неспешным шажком.
Замкнут жизненный круг.
И является страсть,
Зазвенев из прощальных
Последним звонком.
Но запомнились всем нам
Вы добрым и смелым.
И сквозь годы и вёрсты
Ваш голос не смолк.
Где-то спряталось детство,
Но корабликом белым
Выплывает наш первый
школьный урок.
Юность ходит легко...
Не страшны ей потери.
Может, ждали от нас
вы особенных слов.
И простились легко!
Но я знаю и верю –
С Вами будет всегда наша любовь.

Юрий Березин

ХУДОЖНИКУ, РИСУЮЩЕМУ ОСЕНЬ

Оставьте всё как есть:
Дыхание туманов,
Печальный вид ракит
Над тихою водой
И крики журавлей –
Летящих караванов,
И милое лицо крестьянки молодой.

Оставьте всё как есть:
Букет осенних красок
В лесах, теряющих свой
лиственный покров,
В лугах холмы стогов,
Слова для зимних сказок,
Дорогу, ждущую нашествия снегов.

Оставьте всё как есть,
Оставьте день вчерашний:
Детей, с лукошками идущих
через мост,
Деревню и поля,
Причёсанные пашней,
И за околицей заброшенный погост

Тамара Шушкова

ОТЧИЙ ДОМ

Мой дом, четыре низеньких окна,
Черёмуха с рябиной в полисаднике.
Так терпеливо ждете вы меня,
Как люди ждут и ждут
большого праздника.

Мой дом, мой отчий дом, прости,
Что я спешу к тебе не очень часто,
Ты сам меня в дорогу отпустил,
Благословил, и пожелал мне счастья!

Мой дом, частица Родины большой.
Там осенью рябина, словно кровь.
Тебе я благодарна всей душой,
За эту бескорыстную любовь.

Лариса Царенко

Моей любви былые адресаты,
О расставаньях я грущу до слёз!
И в них одна я только виновата.
Не спелось, не сложилось,
не срослось.

За все ошибки щедро расплатилась:
Невзгодами, потерями, вдовством.
Я вымолить хочу Господню милость,
Чтоб только радость
к вам спешила в дом.

Я вам желаю крепкого здоровья
И всех вас до сих пор еще люблю.
Во снах моих стоите в изголовье
И до зори я с вами говорю.

Живите долго, радостно, крылато,
Как в юности, тепло души храня.
Перебирая памятные даты,
Не слишком и сердитесь на меня.

Олег Гуров

ЗИМНЯЯ ЗАРИСОВКА

Пущусь петлять по следу санному
За сипловатым бубенцом,
Вминая наста кашу манную,
Подставив сиверке лицо.

Деревня церковью топорщится,
Сильна обилием примет;
От новизны столичной морщится,-
Лишь на меня управы нет.

Поди, бранит родная маменька,
Притворно хмурится отец.
Великоват размер у валенка,
Мал ростом добрый молодец.

Скорей бы высунуться травушке,
Скорей бы вёсенке настать,
Чтоб хрупкой девушке – сударушке
Букет подснежников собрать.

Михаил Тарасов

ПУСКАЙ ТОРЖЕСТВУЕТ ЛЮБОВЬ

Отца донимал я вопросами,
Чтоб он рассказал о войне.
Он пачку ломал с папиросами
И плакать боялся при мне

Отстаньте от нас с расспросами,
Как надоели они.
Махоркой и папиросами
Прокурены эти дни.

Простреляны пулемётами,
Штыками исколоты в кровь!
Отстаньте от нас с расспросами...
И пусть торжествует любовь!

Любовь человечества к жизни,
Любовь матерей к сыновьям,
Любовь к великой Отчизне
И память по павшим друзьям.

С Победой дошел до Берлина
Отец на Священной войне.
В Афгане осколками – мина
Достала меня на броне.

Теперь я отца понимаю –
Мне внук задал тот же вопрос
И я сигареты ломаю,
Стесняюсь собственных слез.

Отстаньте от нас с расспросами,
Пускай успокоится кровь...
Отстаньте от нас с расспросами!
И пусть торжествует любовь...

Ассорти

Подольский Григорий

Родился в г. Винница в 1946 году. Инженер-строитель. С 1991 года проживает в Израиле.

Написанные им юмористические рассказы, стихи, афоризмы с 1976 года неоднократно публиковались на страницах периодических изданий СССР (в т.ч. «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Труд», журнал «Огонек» и др.), были переведены в Чехословакии и Болгарии и вошли в 3 коллективных сборника юмора, изданных в 80-е годы в г.г. Москва, Минск, Одесса, звучали по радио и телевидению. Был автором Всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль».

В настоящее время публикует юмористические стихи в периодике и литературных изданиях России, Украины, Израиля и др. стран. Участник антологии «120 поэтов русскоязычного Израиля», изданной в Москве - Иерусалиме.

В 2006 году стал лауреатом международного конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «юмор».

Виртуальный роман

Прихлопнув тапком таракана,
который не успел укрыться,
я слез с протертого дивана,
чтоб к Интернету подключиться.

– Я молод, строен, энергичен,-
знакомый набираю текст,-
к деньгам, пожалуй, безразличен,
и за здоровый быт и секс...

Как гром, раздалось в тишине
урчанье в животе голодном,
добавив вдохновенья мне
и стиль изящно – благородный.

– Ищу вторую половину,-
я пояс затянул потуже,-
и приглашаю в Порто-Фино
ко мне на романтичный ужин.

Снеся в приемный пункт бутылки,
бабуля довоенных лет,
скребя проплешину в затылке,
Е-мэйл послала мне в ответ,

набрав привычное клише:
– Нет, лучше уж ко мне, мой рыцарь!
Жду с нетерпением в душе
в моем фамильном замке в Ницце...

Театр полон...

Аншлаг в театре. Пьеса - гвоздь сезона.
На сцене корифеи и кумиры.
Актер Степанов душит Дездемону,
по паспорту Степанову Глафиру,
лоснясь от пота и избытка грима...
О, как хорош Степанов в роли мавра!
Супругу душит образно и зримо,
стяжая и овации, и лавры.
...Интриги, страсти и эмоций всплески,
сплетение коварства и обмана.
С особым, лишь ему присущим блеском,
пережимает ей гортань Степанов...
- Молилась ли ты на ночь, Дездемона,
и где платок из тонкого батиста ?
И рукоплещут в ложах VIP-персоны,
завидуя решимости артиста.
- Я невиновна, милый мой Отелло!-
Глафира шепчет мужу еле-еле,
вся из себя пушистая и в белом...
(А Яго все же был хорош в постели!)
...Сверкнул кинжал в руке венецианца,
Степанова запуталась в подсчетах-
две тыщи за английский и за танцы
за дочкин интернет, еще за что-то...
Однако же, как подскочили цены!!!
Степанов пьет, а режиссер-подонок...
Ах, эти страсти на подмостках сцены!
Аншлаг в театре. Пьеса - гвоздь сезона...

Простой художник Филипчук

При социализме художник Филипчук был Заведующим художественного фонда.

Все заказы и финансовые потоки шли через него.

Нужен бюст Ленина? Пожалуйста!

Нужны портреты членов Политбюро или ЦК КПСС? Пожалуйста!

Нужно оформить Красный уголок на предприятии? Без проблем!

Народному художнику – столько.

Заслуженному – столько.

Простому – столько.

И так – каждый месяц.

Да, был он простым художником, но самым главным из них, потому что все вокруг зависели от его подписи. И неспроста любил он повторять народную мудрость: «не место красит человека, а человек – место!»

Я как председатель Абаканского Союза писателей частенько поднимался к нему в мастерскую, по поводу и без повода, так, поболтать о том о сём, кофию попить. А кофе, надо прямо сказать, у него был отменный! Аромат с седьмого этажа – на всю округу.

Пьём это мы, значит, кофий, блаженствуем. и я, в который раз уже, спрашиваю:

– Сергей, а почему ты до сих пор ещё не Заслуженный?

- А зачем это мне? – привычно отвечает он, - Ведь всё у меня есть, квартира, дача, машина, кабинет Заведующего худфонда в старинном особняке, мастерская, где мы сейчас находимся, 40 квадратных метров, центр города, из окна – вид на Караульную сопку с часовней Параскевы Пятницы. Вон, полюбуйся – фабрика фотобумаги «Квант» напротив, речка Кача, на берегу которой жил и в которой купался наш великий художник Василий Иванович Суриков, а теперь я живу… Чего ещё желать? – улыбаясь, шутит он.

- А ты всё-таки подсуетился бы! - возражаю я. - Звание – оно тебе не помешает.

И даётся на всю оставшуюся жизнь.

Вот я – Заслуженный работник культуры и поэтому имею льготы на оплату квартиры, телефона, проезд в общественном транспорте. Разве это плохо?

Но Сергей был неумолим.

- Как я в глаза своему учителю художнику Заславскому посмотрю, когда в Москву приеду? Если он - простой, а я – заслуженный? Нет, пусть всё остаётся, как есть.

Но всё, как есть, оставаться почему-то не оставалось.

Застойный социализм в 1991 году рухнул, вместе с распадом могучей когда-то империи СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

И начался психоз приватизации общественной собственности при помощи ваучеров.

Худфонд ликвидировали. Особняк, где была контора Филипчука, прихватизировал богач из Москвы и открыл в нём фирму «Реставрация»

Огромную мастерскую Филипчука разделили на три части. Одна – ему, а две – представителям подрастающего поколения. И остался он в маленьком закутке, с видом на фабрику фотобумаг, которую тоже закрыли, приватизировали и сдали в аренду торговцам. Так, незаметно, в разборках по делению и присвоению недвижимости прошло двадцать лет.

Кому нужна сейчас фотобумага?

На дворе – век новых технологий. У всех компьютеры, цифровые фото и видеокамеры, ксероксы, струйные и лазерные принтеры.

Сверкает зеркальной поверхностью стена торгового центра «Квант» с громадным экраном над входом, отражающим все твои желания. Заходи, покупай, что надо. Всё есть!

А мы сидим, как ни в чём не бывало, у него в мастерской, ароматный кофе пьём, о переменах в обществе рассуждаем, о грядущем празднике 12 июня, Дне независимости России. Какой независимости? От кого?

Как вдруг – звонок домофона, и через пять минут входят в мастерскую два человека, мордоворота, в форме судебных приставов.

- Вы – художник Сергей Александрович Филипчук? – спрашивают.

- Ну, я, - Сергей отвечает.

- Тогда распишитесь. Вот постановление суда о выселении вас с незаконно занимаемой площади. Двадцать лет вы не платили за неё ни копеечки, поэтому всё имущество, находящееся здесь, подлежит описанию в счёт погашения долга, а само помещение переходит к Управлению Комитета Недвижимости при Администрации Абаканской области.

Услышав это, Сергей побледнел, потом покраснел:

- Да как вы смеете! – воскликнул он. – Да это моя мастерская, а в ней – мои картины, да им цены нет!

- Всё на свете имеет цену. И у нас есть ценник, – судебные приставы говорят. – А не хотите по-хорошему, будем действовать с позиции силы.

- Нет, ничего у вас не выйдет! – закричал Сергей.

И вскочил он на подоконник, и распахнул створки широкого окна с видом на торговый центр «Квант», часовенку Параскевы Пятницы и речку Качу, на берегу которой проживал наш великий живописец Василий Иванович Суриков, распахнул, да так, что вылетели стёкла со звоном и вниз полетели…

И очень медленно и тихо произнёс:

- Я сейчас в знак протеста выброшусь из окна!

И закричал, высунувшись наружу и уцепившись руками за раму:

- Помогите, люди добрые! Грабят!

Внизу, около торгового центра, мгновенно собралась толпа.

Судебные приставы бросились стаскивать художника с подоконника, а он стал отбиваться и кричать ещё сильнее:

- Помогите! Убивают!

И вдруг резко оттолкнулся – и полетел вслед за стёклами с высоты седьмого этажа…

Но не разбился.

А отделался несколькими порезами и лёгким испугом.

Дело в том, что недавно, ради великого всенародного праздника, Дня независимости России, как раз под его окном какой-то предприниматель установил для детей надувной батут - аттракцион «Кенгуру», где озорные дети могли бы кувыркаться и радоваться жизни. Так Сергей упал, как большой ребёнок, в самый центр огромной резиновой подушки, подпрыгнул несколько раз и оказался в руках взволнованных зрителей.

Приставы сказали мне, что придут через три дня и, как ни в чём не бывало, удалились.

Я поднял Серёжу на лифте в мастерскую, смазал кровоточащие порезы на руках художника йодом и стал отпаивать его крепким, только что заваренным кофе с коньяком.

- Нет, я им покажу, как мастерскую отнимать! Я им покажу! – долго повторял неудачник-самоубийца, пока, наконец, не успокоился.

Поступок художника Филипчука не остался незамеченным.

Кто-то успел заснять его полёт на мобильный телефон в режиме видео, и этот сюжет много дней крутили по всем каналам ТВ.

А в газетах и журналах нашего прекрасного сибирского города Абаканска появились портреты художника с заголовками, типа «Так поступают настоящие герои!»

Сам губернатор пригласил Сергея к себе на приём и имел с героем двухчасовую беседу, в результате которой предложил ему нарисовать свой портрет.

Целый год трудился простой художник Сергей Александрович Филипчук над живописным портретом губернатора.

Идёт губернатор над великой сибирской рекой по коммунальному мосту, соединяющему половинки Абаканской области, равной по величине двум Англиям, трём Германиям и четырём Франциям, вместе взятым, и смотрит вокруг добрым взглядом, а голуби слетаются к нему со всех сторон – и клюют зерно из протянутых щедрых его ладоней.

За это время Филипчук стал сначала Заслуженным художником, а потом и Народным.

Презентация портрета губернатора происходила на корабле «Св. Николай», на котором когда-то будущий вождь мирового пролетариата и создатель империи СССР, ныне уже не существующей, В.И. Ульянов (Ленин) плыл по Енисею в царскую ссылку, осуждённый за свою революционную деятельность.

- Как жаль, - сказал губернатор, - что этот замечательный корабль сейчас приварен намертво к речному дну и не может никуда уплыть! Но мысленно, дорогие друзья, мы всё равно плывём с вами в светлое будущее, несмотря ни на какие временные трудности.

И моё пожелание могучему отряду наших прекрасных художников, наследников таланта Сурикова, чтобы они каждому из здесь присутствующих нарисовали такой же прекрасный портрет, какой сумел нарисовать Главный художник Абаканской администрации, а с сегодняшнего дня и Академик Сергей Александрович Филипчук

Выпьем же за то, чтобы не оскудела талантами земля Сибирская!

Был, был и я на этом историческом корабле, на презентации, и пил вместе со всеми как председатель Абаканского Союза писателей, кстати сказать, у которых недавно отобрали шикарное помещение на стрелке, где Кача впадает в Енисей, и отдали представительству Посольства Белоруссии.

Первый этаж, центр города.

Так что, если бы я и захотел прыгнуть в окно в знак протеста, то прыгнуть мне теперь практически неоткуда…

Николай ЕРЁМИН
Красноярск

Гнев

Гнев... Такое маленькое слово, но сколько мощи, эмоций в нем! Человек в гневе, как пороховая бочка: опасен как для окружающих, так и для себя самого. Даже одной искорки достаточно, чтобы дуновение ветерка обратилось всеразрушительным взрывом. Напряжение ощутимо, как дрожь земли перед извержением вулкана. Любая, пусть даже безобидная, мелочь, и ярость прорвет плеву жерла - столб пепла и реки лавы, пожирающие все на своем пути.

Гнев - дикий зверь, разом заглатывающий разум; буйное пламя, окрашивающее мир в багрянец.

Гнев - злодей, укрытый дружественной личиной, подлый лицемер. Берсерки знали лишь обманную личину, истинную не всякий различит. Гнев - анаболик, удесятеряющий силу; морфий, уничтожающий боль; искусный оратор, взращивающий смелость, отчаянность, веру в победу и правоту, правда одна - твоя. В гневе ты неуязвим, решителен. Самсон! Но... слеп, как крот. Зримо лишь ненавистное, все прочее - призрачно. Мысли попадают в одно отверстие решета. Как бык, раздразненный красной тряпкой, ломишься напролом. Не важно как. Надо, хочу, прямо сейчас! И добьюсь! Внимание сужено - в одну точку. Словно надел шоры. Забыты хитрость, логика, осторожность. Забыты извилистые тропы. Уверенным шагом прямо - к цели. Но не дай Бог оступиться, угодить в ловушку, прозреть израненным перед ликом Смерти. Ведь холодный расчет и могильное спокойствие гораздо сильнее пожара гнева...

Любовь

Любовь… Ощущали ли вы её гнет или же это чувство вас окрыляло? Быть может, вам знакомо одно не меньше другого? Бывало ли так, что вы сидели, сложа руки, ничем не могли себя занять, потому что мысли о любимом человеке выталкивали из головы все иные? Сладкие ли грёзы иль тяжкие думы, но они поглощали вас всецело. Окружающим вы могли показаться рассеянным и немного отстранённым от мира, но вы всего лишь летали в облаках, тешили себя надеждами, отдавались мечтам и фантазии, где не прижилось одиночество.

Случалось ли, что ночью мысли, светлые и умиротворяющие или терзающие сердце, прогоняли Морфея от вашей постели, и воспоминания о пленившей вас надолго лишали сна? Искали ли вы встречи с земным ангелом, готовились ли к ней, заранее придумывая реплики и темы разговора? Проклинали ли себя за молчание, когда, наконец, оставались наедине с той, чей образ заменял вам икону? Тянул ли ваш взгляд невидимый аркан в сторону негласной святыни, когда вы находились на расстоянии нескольких шагов, разделенные её и вашими друзьями или же вовсе чужими людьми? Приходилось ли вам сдерживать желание обнять Её и слиться в нежном поцелуе? Речь идет не о страсти, а о чистой любви, когда вам хочется проводить с избранницей как можно больше времени, чувствовать согревающую теплоту её тела и мягкость влажных губ.

Любовь – это вирус. Вирус, от которого не застрахован никто. Вирус, против коего бессильны даже величайшие умы. Эпидемия, вмиг распространившаяся по миру, так как вакцин от неё нет.

Алексей Карелин

Родился в 1990 году. Пишет с десяти лет, публиковаться начал с 2009 года. Закончил Брянский политехнический колледж, учится в Брянском государственном техническом университете. Служил в ГРАУ.

Публиковался в журналах «Введенская сторона», «Воин России», «Очевидное и невероятное», «Лучшие компьютерные игры», «Вселенная, пространство, время», в газетах «Красная звезда», «Молодежный акцент» и др.

Любовь заставляет бороться за жизнь, даже когда бой заведомо проигран, даёт тепло и свет, мужество и отвагу, силу и поддержку в трудные минуты, вдохновляет на подвиги и творчество, превращает серые будни в желанную с детства сказку. Любовь – это эйфория. Дар Божий! Сам Бог! Идол, перед которым склоняют колени самые жестокосердные.

Святая, плотская, вдохновенная, слепая, божественная, неразделенная, всесильная, роковая… Любовь двулика, как монета, но её не всегда можно повернуть наиболее привлекательной стороной.

Подобно гневу, любовь ослепляет, замутняет рассудок. Она превращает нас в марионеток, заставляет делать глупости и ошибки, порой ужаснейшие. Ради любви человек готов на всё, даже на преступление.

Любовь – это и счастье, и страдания. Она дарит боль и заглушает её. Всё зависит от двух сердец: того, что пылает, и того, чьё этим пламенем оно обжигает.

«Интеллигент» г. Москва. **Учредитель:** Сергей Пашков,. **Главный редактор:** Дина Лебедева. **Зам. главного редактора:** Вячеслав Барыбов. **Художественный редактор:** Наталья Гордеева .**Технический редактор:** Сергей Пашков. **Редакционный совет:** Нина Большакова (США), Андрей Сунгуров (Россия), Юрий Тубольцев (Германия). **Детская страница:** Ольга Аксенова. **Верстка:** Сергей Истомин. **Корректор:** Татьяна Вьюжная. **Художник:** Маргарита Рогозик (Петрозаводск). **Телефон редакции:** +79114149582 (с 14.00 до 21.00). **E-mail:** provint@yandex.ru. **Отпечатано** в типографии ООО «РИЦ«Вяйнола», 186930, г. Костомукша, ул. Строителей. **Тираж** 250 экз. **Заказ №**_____